

НЕ ВРАТЬСЯ

K-789 g. 2

466324

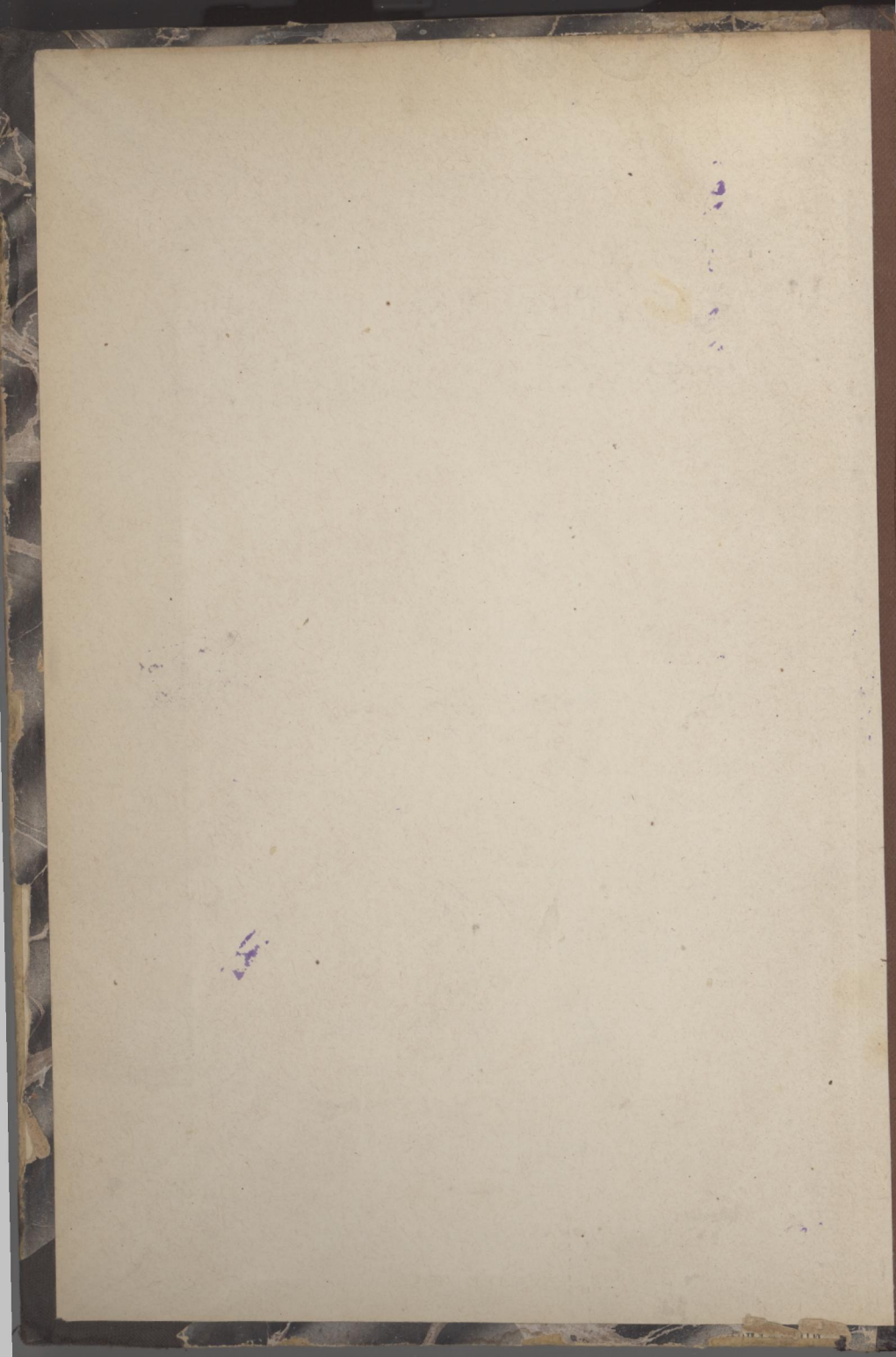
~~44. 793~~

V. N. Karazin Kharkiv National University

00620339

5

ДРЕВНЕЕ СКАЗАНИЕ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ

ІОСИФА КРАШЕВСКАГО.

С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

Изданіе Н. Ѳ. Мертца.

1899.

ДРЕВНІЕ СКАЗАНІЯ

ИСТОРИЧЕСКОЕ РОМАН

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ 14-го Января 1899 г.

СТАВРОПОЛЬСКОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ РОМАН

ИСТОРИЧЕСКОЕ РОМАН

Типо-Литографія Сиб. Тов. Печ. и Изд. Дѣла „Трудъ“, Фонтанка 86.

I.

Надъ стѣною дремучихъ лѣсовъ, окружавшихъ со всѣхъ сторонъ небольшую поляну, разливались лучи свѣта, окутывая серебристымъ покровомъ все жаждущее пробужденія отъ зимняго сна, все жаждущее жизни... Благоухающій весенній ароматъ листьевъ и едва распустившихся цвѣтовъ, подкрѣпленныхъ освѣжающими лобзаніями брилліантовыхъ капель росы, располагалъ къ веселію къ безпредметной радости. На поверхности вѣшнихъ водъ гордо возвышались золотыя головки водяныхъ растений. Луга въ эту торжественную минуту походили на зеленые ковры, вышитые рукою мастера... Фантастическіе узоры—золото и разноцвѣтный шелкъ—украшали ихъ поверхность... Это—произведенія мастерской руки природы. Торжественная тишина предшествовала восхожденію солнца; однѣ только лѣсныя птицы, пробуждаясь отъ сна, заботливо копошились около своихъ жилищъ... Еще нѣсколько минутъ и въ воздухѣ раздались призывы, пѣніе и чириканье маленькихъ пернатыхъ обитателей лѣсовъ. Высоко, подъ самыми тучами, сѣдой орелъ плавалъ на воздухѣ, зорко слѣдя за добычею на землѣ. Иногда сѣдой властелинъ однимъ взмахомъ могучихъ своихъ крыльевъ останавливался на мѣстѣ и, повиснувъ въ воздухѣ, осматривалъ поле будущихъ своихъ успѣховъ; затѣмъ снова плавалъ въ воздухѣ... Въ лѣсу что-то шелохнулось и замолкло... Стадо дикихъ козъ, выглянувъ изъ густой чащи лѣса, боязливо оглядывалось по сторонамъ. Эти граціозныя созданія осмотрѣли поляну и торопливо побѣжали назадъ... Въ лѣсу снова все затихло... Въ

другой части лѣса, минуту спустя, раздался трескъ ломающихся вѣтвей; рогатый лось вышелъ на поляну, поднялъ голову, глубоко вздохнулъ, втянувъ широко раскрытыми ноздрями свѣжій воздухъ, призадумался, почесалъ шею рогами и скрылся... У самой опушки, въ мелкомъ кустарникѣ, заискрилась пара блестящихъ глазъ: волкъ съ любопытствомъ смотрѣлъ на поляну... тутъ-же испуганный заяцъ, прижавъ уши, тихонько прокрадывался мимо своего врага, прыгнувъ разъ, другой и пристѣлъ.

Тишина царила вокругъ...

Еще мгновенье и утренняя музыка лѣсовъ начнетъ свой концертъ... Дуновеніе весенняго вѣтра развевило дремлющія вѣтви... Каждое дерево въ этомъ лѣсномъ хорѣ имѣло свою роль, каждое издавало свой особенный звукъ... Музыка началась... Опытный житель этихъ странъ весьма легко различалъ шорохъ листьевъ березы отъ шума соснового лѣса, скрипѣніе сухого дуба отъ печальнаго стога ели. Вѣтеръ шагаль по верхушкамъ деревьевъ, а лѣсъ все громче и громче отвѣчалъ на его привѣтствія, — все ближе, все звучнѣе раздавалась утренняя лѣсная непроходимыхъ дебрей...

Высоко надъ лѣсами плыли румяныя тучи, точно только-что проснувшіяся дѣвушки, замѣтившія, что ихъ красотою любитесь хитрецъ мужчина. Сѣрое небо, покрываясь синеватою краскою наверху, внизу отливало золотымъ цвѣтомъ; бѣленькія тучки причудливой формы развѣвалъ вѣтеръ по лазурной синевѣ. Первые лучи солнца выплыли изъ-за лѣса... Ночь исчезала. Остатки мрака и тѣней расплывались въ дневномъ блескѣ. Надъ ручьями и лугами закипѣли прозрачныя испаренія и, поднимаясь все выше и выше, точно дымъ жертвенника, исчезали въ воздухѣ, оставляя пылинки воды на произволъ вѣтра. Косые лучи солнца съ любопытствомъ заглядывали въ глубь овраговъ, любовно приглядываясь ко всему, что успѣло ночью разростись, покрыться зеленью, расцвѣсти.

Шумъ лѣса вызвалъ къ жизни хоръ птицъ; природа ожила, луга, кусты, лѣсъ и воздушныя пространства... Все дремлющее до сихъ поръ вдругъ заговорило. Жизнь вступала въ полныя свои права... Въ золотыхъ лучахъ солнца вертѣлись, кружились, все выше и выше поднимаясь, рѣзвые, крылатые дѣти воздуха, что-то

щебеча другъ другу, кокетливо поглядывая на тучи, рисуясь передъ лѣсомъ.. Кукушки отзывались вдаль, дятлы-кузнецы принялись за работу... Мракъ уступилъ свѣту: явился день..

У самой опушки лѣса, на берегу сонливой рѣки, проносящей свои лѣнныя воды среди камней и громаднѣхъ корней гигантскихъ деревьевъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ богатая листва не пропускала лучей солнца и ночныя тѣни еще боролись съ дневнымъ свѣтомъ, видѣлась куча вѣтвей—нѣчто въ родѣ шалаша: нѣсколько кольевъ, вколоченныхъ въ землю, а на нихъ въ беспорядкѣ набросанныя вѣтви и сучья ели... Около этого жилища, сооруженнаго на скорую руку, видны были остатки костра, угли и нѣсколько недогорѣвшихъ головней... Немного ниже, у самой рѣки, въ высокой и обильной травѣ на подножномъ корму стояли двѣ небольшія, толстыя лошади, привязанныя къ деревьямъ. Должно быть, какой-то шорохъ, раздавшійся въ лѣсу въ эту минуту, напугалъ ихъ, или онѣ почували врага; наостривъ уши, раздувъ ноздри, эти полудикія животныя нетерпѣливо били копытами объ землю, издавая звуки, отъ которыхъ встрепелась лѣсная глушь... Въ эту минуту изъ шалаша выглянула голова, покрытая длинными рыжими волосами... Рыжая борода, рыжіе усы и пара темныхъ глазъ—вотъ ея украшенія. Пронзительнымъ взглядомъ глаза эти посмотрѣли на лошадей, потомъ на небо, и голова скрылась. Въ шалашѣ началось движеніе. Нѣсколько времени спустя изъ шалаша вышелъ широкоплечій, сутуловатый мужчина средняго роста. Онъ выпрямился во весь ростъ, расправилъ свои усталые, окоченѣвшіе отъ долгаго лежанія члены, зѣвнулъ, встряхнулъ нѣсколько разъ головою, посмотрѣлъ на небо, затѣмъ на лошадей... Животныя, замѣтивъ своего господина, приблизились къ нему. Рыжій мужчина началъ прислушиваться: въ лѣсу все было спокойно, только и слышались шумъ деревьевъ, пѣніе птицъ да журчаніе ручья.

Рыжій человѣкъ былъ полнымъ олицетвореніемъ дикаго обитателя лѣсовъ; густые волосы въ беспорядкѣ длинными прядями падали ему на плечи и на лобъ такъ низко, что, казалось, глаза его прямо подъ ними горѣли. Почти все лицо рыжаго мужчины было покрыто волосами, едва только небольшія, выдающіяся части щекъ, горящія румянцемъ, лишены были этого лѣса рыжихъ прядей. Суконная, шерстяная одежда покрывала его тѣло. Не изящное,

даже грубое одѣяніе это, коричневаго цвѣта, у самой шеи было застегнуто на пуговицу и петлю. Ноги были обернуты сукномъ и кожею, а ступни ногъ тщательно повязаны толстою веревкою. Изъ короткихъ рукавовъ одежды выходили наружу сильныя, загорѣлыя руки, покрытыя волосами. Лицо этого дикаря выражало полу-животную полу-человѣческую хитрость, а глаза—дерзость съ одной, крайнюю осторожность съ другой стороны; они безпокойно перебѣгали съ одного предмета на другой, не будучи въ состояніи остановиться на одномъ мѣстѣ... Тѣлодвиженія, показывающія, что, кромѣ хитрости и осторожности, обладатель этихъ качествъ не лишенъ богатырской силы, не позволяли судить о его лѣтахъ, до того были ловки и граціозны его движенія, хотя годы его молодости давно миновали.

Дикарь постоялъ нѣсколько минутъ, осмотрѣлъ внимательно окрестность и возвратился къ шалашу. Не говоря ни слова, онъ ударилъ ногою въ стѣну шалаша, такъ что всѣ вѣтви зашатались на своеобразной крышѣ хрупкаго сооруженія. Въ ту-же минуту, какъ-бы въ отвѣтъ на ударъ, въ шалашѣ началось суетливое движеніе, и вскорѣ изъ него не то вышелъ, не то выползъ молодой парень и бодро посмотрѣлъ на своего владыку... Ему не было больше пятнадцати лѣтъ; довольно высокаго роста, онъ во всемъ былъ похожъ на рыжаго. Лицо его еще не успѣло покрыться волосами, голова коротко острижена, самая простая изношенная одежда, состоящая изъ кусковъ сукна и полотняныхъ лохмотьевъ,— вотъ всѣ его доспѣхи. Мальчикъ еще не успѣлъ протереть глазъ руками, какъ хриплый голосъ старшаго, на языкѣ чуждомъ и непонятномъ обитателямъ этой земли, на которой остановились путешественники, обратился къ нему:

— Герда, лошадей! Солнце ужъ высоко...

Въ отвѣтъ на это приказаніе, за которымъ послѣдовалъ легкій ударъ по плечу отрока, этотъ послѣдній подбѣжалъ къ лошадямъ, развязалъ веревки, ловкимъ движеніемъ вскочилъ на одну изъ нихъ и подвелъ ихъ къ мѣсту, гдѣ кусокъ песчанаго сухого берега позволялъ подойти къ рѣкѣ. На песокъ виднѣлись слѣды копытъ прежде здѣсь утолявшихъ жажду лошадей... Животныя усердно стали пить воду. Отрокъ, сидя верхомъ на одной изъ нихъ, зѣвалъ, искоса поглядывая на своего рыжаго владыку, который сует-

тился около шалаша, ворча что-то под носъ. Не утренняя-ли это молитва?..

Напоивъ лошадей, которыя, поднявъ головы и точно прислушиваясь къ шуму деревьевъ, задумались на минуту, — парень веревкою погналъ ихъ въ сторону шалаша. Здѣсь рыжій приготовилъ ужъ сумки и въюки, перевязанные сукномъ и кожею: оставалось только привязать ихъ къ лошадямъ. Оба, молча, принялись за эту работу. Поверхъ сумокъ наши путешественники наложили куски сукна и кожи. Когда все было готово, старшій вошелъ въ шалашъ и, нѣсколько времени спустя, вышелъ оттуда съ оружіемъ въ рукахъ: онъ держалъ небольшую палку съ воткнутымъ кремнемъ въ разрѣзанномъ верхнемъ ея концѣ. За поясомъ торчалъ у него топоръ, тяжелый какъ молотъ, короткій ножъ въ кожаныхъ ножнахъ; черезъ плечо висѣлъ деревянный лукъ и праща. Подойдя къ лошади, дикарь привязалъ палку съ кремнемъ къ передней части сѣдла. Молодой парень поднялъ съ земли свое оружіе, ножъ и топоръ воткнулъ за поясъ и сѣлъ верхомъ на лошадь... Старшій еще разъ внимательно осмотрѣлъ шалашъ, бросилъ взглядъ на костеръ, не осталось-ли чего-нибудь на землѣ, попробовалъ, крѣпко-ли привязаны сумки, и подвелъ лошадь къ старому пню... Не прошло и минуты, какъ онъ уже сидѣлъ верхомъ. Они были уже совсѣмъ готовы отправиться въ путь, и старшій осматривалъ окрестность, выбирая дорогу, когда изъ лѣса, какъ разъ напротивъ того мѣста, гдѣ стояли всадники, стараясь остаться незамѣченной и тихонько раздвигая вѣтви орѣшника и калины, высунулась человѣческая голова. Пара свѣтлыхъ глазъ съ любопытствомъ и боязнью стала разсматривать всадниковъ. Изъ-за вѣтвей видны были русые волосы, молодое лицо, едва только начинающее украшаться усами и бородою, и во рту, полуоткрытомъ отъ удивленія, два ряда бѣлыхъ зубовъ.

Рыжій, между тѣмъ, поочередно посматривалъ на солнце и на рѣку... На ея берегахъ, покрытыхъ обильною травою, не было ни одной тропинки, ни одного слѣда какой-нибудь дороги. По озабоченнымъ чертамъ его лица легко можно было замѣтить, что онъ не зналъ на что рѣшиться: переплыть-ли рѣку, слѣдовать по ея теченію или противъ него? Лошади нетерпѣливо дожидались минуты отъѣзда. Старшій всадникъ подумалъ еще немного, осмотрѣлъ

лугъ, смѣрилъ его глазами, посмотрѣлъ на зыбкое болото, простиравшееся далеко за лугами, на лѣсъ и, наконецъ, подѣхалъ къ тому песчаному берегу, гдѣ поили лошадей. Тутъ они остановились. По всему вѣроятію, дикарь думалъ о томъ, удастся-ли имъ перейти въ бродъ рѣку, его глаза скользили по ея поверхности, какъ-бы допытываясь у нея глубока-ли она въ этомъ мѣстѣ? Въ эту минуту онъ навѣрное замѣтилъ-бы голову слѣдившаго за каждымъ ихъ движеніемъ туземца, если-бы она не скрылась старательно за густой листвою. Только вѣтви и листья колыхнулись и задрожали. Лошади понемногу начали входить въ воду, которая въ этомъ мѣстѣ не была глубока, а дно рѣки не вязко; онѣ погрузились въ воду, казалось, что поплывутъ, но дно было такъ не глубоко, что онѣ шагомъ прошли по дну... Песчаная тропа попалась имъ на пути, а тамъ и другой берегъ... Наши всадники, едва дотрогиваясь ногами до поверхности воды, счастливо достигли противоположнаго берега... По этому берегу, болѣе возвышенному и сухому, гораздо удобнѣе можно было продолжать путь. Въ лѣсу, непроходимо густомъ въ этомъ мѣстѣ, что-то странно шелохнулось... „Испуганный звѣрь“,—подумалъ рыжій. Никакъ нельзя было подозрѣвать присутствія человѣка въ этомъ мѣстѣ: какъ далеко можно было завидѣть глазомъ, никакого слѣда, кромѣ оставленнаго ими шалаша и костра... Лѣсъ, какъ Богъ его создалъ, гордо возносилъ къ небу свои увѣнчанныя головы: толстые пни лѣсныхъ гигантовъ, въ нижней части лишенные вѣтвей, на верхушкахъ украсились зелеными вѣнцами.. То тутъ, то тамъ валялись на землѣ старые лѣсные богатыри, умерщвленные бурей, на-половину лишенные коры, на-половину покрытые сѣдымъ мхомъ; изрѣдка только попадались молодняки, поломанные вѣтромъ...

Всадники, между тѣмъ, подвигались впередъ...

Рыжій замѣтилъ что-то бѣлое на холмистомъ возвышеніи: подъ громаднымъ дубомъ, у его подошвы, лежалъ камень, напоминающій большую чашу, на немъ возвышался другой, безформенный и тяжелый... Неопытная рука старалась выдолбить изъ него что-то вродѣ человѣческой головы, покрытой громадною шапкою... Всадники остановились... Рыжій, боязливо оглядываясь по сторонамъ, презрительно улыбнулся и плюнулъ на каменную голову... Въ это самое мгновеніе какой-то странный звукъ — не то визгъ, не то

свистъ — раздался въ воздухѣ въ сторонѣ кустовъ и деревянная стрѣла засѣла въ одежду старшаго путешественника на самой груди. Онъ, въ нерѣшительности что дѣлать,—приняться за оружіе или бѣжать скорѣе,—повернулъ голову къ своему товарищу, который въ это-же мгновеніе вскрикнулъ. Другая стрѣла вонзилась ему въ ногу... А въ лѣсу раздался хохотъ дикій, страшный хохотъ, точно вой звѣря или крикъ дикаря... Захохотало что-то, вѣтеръ разнесъ дикіе звуки по лѣсу, и все замолкло... Сорока сидѣла на камнѣ на самой верхушкѣ шапки и, поднявъ крылья, кричала, вторя странному хохоту... и металась будто-бы и она желала пригрозить человѣку, нанесшему обиду этому мертвому камню. Лошади, напуганныя этими звуками, прибавили шагу, но врага нигдѣ не было видно и не слышно... Тишина снова воцарилась въ лѣсу, только слышенъ былъ торжественный шумъ деревьевъ...

Старшій всадникъ ѣхалъ впереди, погоняя лошадь; молодой парень, вынувъ стрѣлу изъ ноги, скакалъ за нимъ, наклонившись всѣмъ тѣломъ впередъ... Они проскакали довольно далеко отъ несчастнаго мѣста, но, замѣтивъ, что никто не пустился за ними въ погоню и что опасность миновала—старшій остановился... Онъ теперь только обратилъ вниманіе на своего товарища, который съ блѣднымъ лицомъ и стиснутыми отъ боли зубами прильнулъ къ лошади. Рыжій такъ былъ озабоченъ, что еще не вынулъ стрѣлы, вонзившейся въ его одежду. Стрѣла пробила сукно и должно быть глубоко засѣла въ груди, потому-что не смотря на движенія и скорую ѣзду хотя и наклонилась внизъ, но все еще держалась на мѣстѣ. Только теперь, остановивъ лошадь на полянѣ, раненый обратилъ вниманіе на стрѣлу; онъ выдернулъ ее ловкимъ движеніемъ, поморщился отъ боли, осмотрѣлъ ее со всѣхъ сторонъ и вложилъ въ мѣшокъ. Стрѣла оканчивалась костянымъ остріемъ, на концѣ котораго застыла капля крови.

— Да убьютъ ихъ громъ и буря!..—проворчалъ Рыжій.—Глазъ людской подсматривалъ въ кустахъ и отомстилъ за обиду... Ты въ ногу раненъ, Герда?

Парень не совсѣмъ еще оправился отъ испуга. Онъ блуждающими глазами указалъ на свою ногу. Герда былъ опаснѣе раненъ

чѣмъ его отецъ, потому что полотно не могло удержать стрѣлы, которая глубоко застѣла въ ногѣ.

— Ну, ничего! Одна полянская стрѣла—это еще не бѣда!—проговорилъ старшій. — Они не намазываютъ ихъ ядомъ. Хорошо и то, что ихъ не было много. Видно, былъ одинъ разбойникъ. Онъ не посмѣлъ броситься на насъ, завидѣвъ у насъ оружіе... но онъ можетъ призвать своихъ собратьевъ, можетъ надѣлать шуму... Надо бѣжать скорѣе отсюда.

Рыжій посмотрѣлъ на солнце.

— Держись покрѣпче, а лошадь пусти свободно... Теперь мы не можемъ терять времени, а то, чего добраго, нападутъ на насъ въ этомъ лѣсу; нужно пробраться къ знакомымъ. Около полудня мы будемъ на мѣстѣ.

Молодой парень молчалъ, Рыжій проворчалъ невнятно еще какія-то слова, посмотрѣлъ въ сторону лѣса, стегнулъ лошадь веревкою и оба поскакали по берегу рѣки, замѣняющей имъ дорогу. Кругомъ все лѣсъ и лѣсъ, дикій, необитаемый, молчаливый. Гдѣ-то вдали, на поверхности воды, показалась человѣческая голова, покрытая темными, прилипшими къ ней волосами, и пара гребущихъ рукъ около нея. Но какъ только до ея ушей долетѣли звуки лошадиного топота, голова исчезла, оставивъ слѣдъ на поверхности воды. Наши всадники проѣхали мимо... Голова снова показалась... Теперь на черныхъ ея волосахъ легко можно было замѣтить вѣнокъ цвѣтовъ... Глаза ея пристально слѣдили за всадниками... Нѣсколько дальше крошечная лодка, точно орѣховая скорлупа скользя по рѣкѣ, направляясь по ея теченію; надъ нею въ видѣ паруса вѣтеръ развѣвалъ бѣлый платокъ... По мѣрѣ приближенія всадниковъ бѣлое полотно понемногу исчезало и, наконецъ, очутилось на днѣ лодки, которая, точно змѣя, скользнула въ камышъ, и одиѣ только колеблющіяся верхушки камыша указывали на ея присутствіе... Нѣсколько дикихъ утокъ, испуганныхъ неожиданнымъ посѣтителемъ, вылетѣло изъ тростника; гдѣ-то вдали что-то плеснуло и упало.

Наши всадники безостановочно подвигались впередъ по берегу рѣки. Изнуренныя лошади два раза пили воду и продолжали свой путь, нигдѣ не останавливаясь. Солнце поднималось все выше и выше, воздухъ становился все теплѣе. Въ лѣсу было свѣжо и

прохладно, но со стороны луговъ и песковъ дулъ горячій вѣтеръ. Какъ ни старались наши всадники перенестись въ другую мѣстность, оставить злополучный лѣсъ и выѣхать на открытое мѣсто—окрестность оставалась убійственно однообразною, лѣсъ пѣлъ все ту же пѣсню надъ рѣкою, только изрѣдка среди песка попадалось небольшое озеро—шире становилась рѣка; иногда она суживалась, когда ея воды протекали по дну глубокого оврага. Мѣнялись однѣ деревья: сосны и ели, зеленныя березы, липы, осины и дубы полусонныя, не отзывчивыя на привѣтливую улыбку весны... Иногда всадникамъ приходилось объѣзжать топкое болото. Время отъ времени пугливый заяцъ бѣжалъ въ лѣсъ, увидѣвъ приближающихся, никогда невидѣнныхъ имъ людей; почти изъ подъ лошадиныхъ копытъ подымались стаи птицъ, а на лугахъ, встревоженные топотомъ, цѣлыя стада оленей бѣжали въ сторону лѣса, останавливались у самой опушки, смотрѣли вслѣдъ всадникамъ и пускались бѣжать, исчезая изъ глазъ. Трескъ ломающихся вѣтвей пугалъ лошадей, и онѣ скакали безъ устали все дальше и дальше... пока силъ хватило. Герда время отъ времени хватался рукою за раненую ногу. Кровь, точно теплая веревка, вилась вдоль ноги до самой подошвы, собиралась въ кожаномъ башмакѣ, и красныя капли, просачиваясь сквозь подошву, падали на землю. Но онъ не посмѣлъ жаловаться, а для того, чтобы задержать кровь и перевязать рану, не было времени... У Рыжаго между пальцами правой руки показались капли крови, но онъ не обращалъ на это никакого вниманія. Обтеревъ кровь гривой лошади, Рыжій не думалъ о ней больше. Онъ все внимательно оглядывался по сторонамъ; по всему было видно, что онъ здѣсь не первый разъ. Рыжій отыскивалъ глазами удобное мѣсто для отдыха... Но не скоро всадники убавили шагъ.

Въ одномъ мѣстѣ рѣка протекала по низменной равнинѣ и широко разливала свои воды среди болотъ, покрытыхъ свѣжею зеленью. Съ верхушки холма, на которомъ остановились Рыжій съ сыномъ, видны были луга и тростники, множество маленькихъ озеръ, опоясанныхъ зелеными кустами... Нѣсколько лѣсныхъ ручейковъ въ этомъ мѣстѣ соединялось съ рѣкою. Лѣсъ на довольно значительномъ пространствѣ не имѣлъ ни одного дерева: пожаръ истребилъ все живущее—остались одни только сухіе пни... Ку-

старникъ былъ такъ хилъ, что лѣсъ насквозь просвѣчивалъ, и на далекомъ разстояніи легко было видѣть каждаго, кому вздумалось-бы приблизиться къ этому мѣсту. Здѣсь старшій всадникъ соскочилъ съ лошади бросилъ поводья и легъ на песокъ, вытирая обѣими руками обильный потъ, покрывавшій его лицо и лобъ. Онъ былъ изнуренъ до крайности, грудь его высоко подымалась... Рыжій окровавленными руками дотронулся до своего лица, и оно все покрылось кровавыми пятнами. Замѣтивъ это, Герда вскрикнулъ.

— Что съ тобою, Герда? Развѣ ты не мужчина? Или мать твоя ошиблась, что одѣла тебя не въ юбку? Одна капля крови, а столько шуму и крику?!

— Не о своей я забочусь,—сказалъ Герда, указывая на лицо отца;—правда, крови полонъ башмакъ, но это пустяки! Твое лицо, отецъ, все въ крови.

Старшій посмотрѣлъ на свои руки, улыбнулся и ничего не отвѣтилъ.

Герда, между тѣмъ, сѣлъ на землю, снялъ башмакъ и принялся чистить его; затѣмъ вытеръ рану и приложилъ къ ней влажные листья. Старшій равнодушно смотрѣлъ на своего сына. Отдохнувъ немного, Рыжій вынулъ изъ сумки сушеное мясо и лепешки и разложилъ ихъ на землѣ. Прежде, чѣмъ приняться за ѣду, онъ подошелъ къ рѣкѣ, вымылъ лицо и всполоснулъ ротъ. Герда, слѣдуя его примѣру, также подошелъ къ рѣкѣ... Затѣмъ они молча начали подкрѣплять свои силы... Лошади щипали тощую траву.

Изъ лѣса вылетѣла сорока и сѣла на сухой вѣтви прямо надъ головою старшаго, наклонилась къ нему и начала кричать... Казалось, она разсердилась на чужихъ, махала крыльями, опускалась все ниже и кричала, какъ угорѣлая, какъ-бы желая своимъ крикомъ созвать своихъ товаровъ... Къ ней прилетѣла другая, затѣмъ третья... и, все громче крича, подлетали къ отдыхающимъ людямъ или садились тутъ же около нихъ на землѣ. Рыжій, котораго одолѣвалъ сонъ, выведенный изъ терпѣнія, натянулъ лукъ и выпустилъ стрѣлу. Стрѣла пронзила воздухъ, но ни одной птицы не ранила: всѣ онѣ съ крикомъ и шумомъ повертѣлись въ воздухъ, а затѣмъ усѣлись на прежнія мѣста прямо надъ головою посягателя на ихъ жизнь... Герда, подперевъ руками голову, смотрѣлъ за лошадьми. Лѣсъ притихъ, небо, точно синее зеркало,

было ясно и прозрачно; наскочь, вызванные къ жизни лучами солнца, жужжа и кружась, роились въ воздухѣ.

Послѣ короткаго отдыха наши путешественники снова сѣли на лошадей... Отецъ обратился къ сыну съ слѣдующими словами:

— Обо всемъ, что случилось, о стрѣлахъ, о крови, не болтай тамъ... Лучше всего ничего не говори: привторись нѣмымъ... Они насъ „нѣмцами“ называютъ, хотя мы понимаемъ ихъ языкъ. Прислушивайся ко всему, что будутъ говорить — это всегда можетъ пригодиться, но дѣлай видъ, что ни слова не понимаешь... Лучше помолчать...

Отецъ посмотрѣлъ на Герду, дожидаясь отвѣта. Герда молча наклонилъ голову.

Всадники безъ усталости подвигались впередъ. Солнце начинало клониться къ закату. Высокій берегъ рѣки становился все ниже, воздухъ прохладнѣе. Лѣсъ бросилъ длинную тѣнь на рѣку... Нѣсколько времени спустя, вдали, надъ мелкими кустами, показался столбъ дыма... Старшій, замѣтивъ это, вздрогнулъ:—радость это, или опасность? Юноша тоже всматривался въ этотъ завѣтный столбъ дыма. Лошади шли все тише.

Старый лѣсъ, высокий и густой, опоясывалъ ихъ со всѣхъ сторонъ; прибрежный лугъ становился все уже, рѣка сдавливалась среди оврага... Съ правой стороны лѣсъ круто обрывался: глазамъ всадниковъ представился большой лугъ, окруженный изгородью изъ простыхъ кольевъ... Сейчасъ за нимъ изъ какихъ-то шалашей и своеобразныхъ избъ, сколоченныхъ изъ срубовъ и валежника и окруженныхъ высокимъ заборомъ—подымался видѣнный ими синій столбъ дыма... Хижины были расположены у самаго берега рѣки и образовывали замкнутый со всѣхъ сторонъ прямоугольникъ. Со стороны луга онѣ были окружены рядомъ пней и деревянныхъ столбовъ, между которыми находились глубокія ямы. На одномъ изъ столбовъ висѣлъ выбѣленный дождемъ и лучами солнца лошадиный черепъ. Крыши были покрыты кусками дерева, корою и вѣтвями; стѣны изъ срубовъ или изъ хвороста, плетеннаго въ видѣ столбовъ. Въ самой срединѣ прямоугольника возвышалась хижина, построенная изъ деревянныхъ колодъ; къ ней примыкали сарай, образуя въ срединѣ небольшой дворикъ.

Всадники все приближались къ этимъ строеніямъ.

Старшій оставилъ лошадь: онъ оглядывался по сторонамъ, желая увидѣть кого-нибудь изъ жителей этихъ хижинъ. Никто, однако, не выходилъ. Рыжій задумался. Въ нерѣшительности что дѣлать, онъ простоялъ-бы болѣе продолжительное время, если-бы не увидѣлъ старика, сидѣвшаго вблизи строеній на камнѣ. Старикъ, до тѣхъ поръ незамѣченный Рыжимъ, внимательно слѣдилъ за всадниками съ того времени, когда они выѣхали изъ лѣса. Весь въ бѣломъ, съ босыми ногами и открытою сѣдою, какъ серебро, головою, старикъ держалъ въ рукахъ бѣлую большую палку. Длинная, какъ снѣгъ бѣлая, борода закрывала ему грудь. Рубаха, перевязанная краснымъ кушакомъ, спускавшаяся почти до самой земли, составляла всю его одежду. У него не было никакого оружія, а красный кушакъ составлялъ единственное украшеніе. У ногъ сѣдого старца лежали двѣ собаки, похожія съ виду на волковъ: онѣ припали къ землѣ, наострили уши, слѣдя за каждымъ движеніемъ всадниковъ кровавыми глазами... Собаки дрожали, дожидаясь приказанія своего господина броситься на чужихъ.

Умное и спокойное лицо старика, загорѣлое отъ солнца, казалось покрытымъ сѣтью маленькихъ морщинокъ. Надъ его сѣрыми глазами ежились два куста бѣлыхъ волосъ. Сухую его шею, ничѣмъ не покрытую, со всѣхъ сторонъ обнимали толстыя жилы, точно подкожныя змѣи.

Въ ту минуту, когда путешественники замѣтили старика, этотъ послѣдній громко крикнулъ на собакъ, поднялъ палку вверхъ и указалъ имъ калитку въ заборѣ. Собаки отошли въ сторону. Всадники остановились.

— Поклонъ тебѣ, старый Вишъ,—сказалъ Рыжій, не соскакивая съ лошади и едва наклоняя голову;—поклонъ тебѣ! Оггони собакъ, а то онѣ, чего добраго, разорвутъ насъ... А мы вѣдь старые знакомые и добрые друзья, хоть и не свои люди, но не враги.

Старшій всадникъ говорилъ медленно на ломаномъ языкѣ прилабскихъ сербовъ, стараясь придать всей своей фигурѣ пріятливое выраженіе.

Старикъ долго смотрѣлъ на пришельцевъ, не отвѣчая на пріѣтъ. Собаки ворчали и выказывали ряды бѣлыхъ зубовъ, угрожая ими двумъ незнакомцамъ: старикъ крикнулъ на нихъ, чтобъ

онѣ убирались вонъ, но собаки подкрадывались все ближе къ всадникамъ... Старикъ ударилъ въ ладоши: изъ-за забора показалась голова молодого парня съ коротко остриженными волосами, который призвалъ собакъ, вогналъ ихъ во дворъ и затворилъ ворота... Долго еще послѣ этого собаки были и лаiali въ сараѣ.

— Будь здоровъ, Хенго. Что тебя снова занесло въ наши лѣса?—сказалъ хозяинъ.

Хенго (Рыжій) соскочилъ съ лошади, поводья отдалъ сыну, который сидѣлъ еще верхомъ и приблизился къ старцу.

— Да такъ: странствуетъ человѣкъ по свѣту — любопытство беретъ узнать, какъ другіе люди живутъ, ну и ѣдешь,—отвѣчалъ Хенго; — да притомъ, быть можетъ, обмѣняемся чѣмъ-нибудь. Лучше мирно мѣнять то, чего у однихъ слишкомъ много, а у другихъ недохватъ, чѣмъ съ оружіемъ нападать и вырывать насильно, да вдобавокъ и съ жизнью вмѣстѣ. Я, ты знаешь, человѣкъ смирный, снабжаю всѣмъ, что есть у меня, лишь бы жить да проживать.

Старикъ призадумался.

— Немного найдешь у насъ для обмѣна... У васъ, у самихъ, довольно кожъ и мѣховъ, а янтарь не водится у насъ въ излѣшкѣ. Да мы и не особенно привыкли къ тому, что вы возите—своего у насъ довольно... Костяная игла шьетъ точно такъ-же, какъ и желѣзная.

Вишь смотрѣлъ въ землю: онъ казался недовольнымъ прѣздомъ „нѣмца“.

— А все же пригодятся и мои товары,—проговорилъ Хенго,—Откуда-же, если не отъ насъ, было бы у васъ все, что дѣлается изъ металла... Винеда далеко...

— А развѣ мало у насъ костей, роговъ, да камней?—спросилъ Вишь, вздыхая. — Было время, — славное времячко, — когда люди только этимъ довольствовались и ни въ чемъ, однако, не терпѣли недостатка... Когда вы да другіе стали привозить къ намъ разныя блестящія бездѣлки — женщины изъ рукъ вонъ выбились... Имъ теперь только и подавай блестящія зерна на шею, да гладенькія иголки и пуговицы и всѣ ваши игрушки... Безъ нихъ теперь ни одна шагу не сдѣлаетъ... Это бы еще ничего, — продолжалъ старикъ, все смотрѣвшій въ землю, изрѣдка только поглядывая на рыжаго

собесѣдника,—но вы... вы узнаете всѣ дороги, которыя ведутъ въ нашу землю, наши тайны вывозите къ своимъ... и когда-нибудь врагъ можетъ прійти оттуда, откуда пришли игрушки и бездѣлки.

Хенго едва улыбулся, окидывая бѣглымъ взглядомъ стараго Виша.

— Напрасно боишься,—сказаль онъ въ отвѣтъ,—никто и не думаетъ нападать на васъ... Я не затѣмъ вожу товары, чтобы высматривать что у другихъ дѣлается, а просто свое хотѣлось бы промѣнивать. Ты знаешь меня—не первый разъ я въ гостяхъ у стараго Виша... Я вашъ другъ... У меня жена изъ вашихъ... отъ нея вотъ этотъ парень, который хотя и не понимаетъ вашего языка, но все-же въ его жилахъ течетъ и ваша кровь.

Вишъ, присѣвъ на камнѣ и указавъ другой рукою Рыжему, покачалъ головою, не отвѣчая ни слова.

— Жена у тебя сербка отъ Лабы,—сказаль Вишъ послѣ нѣ котораго молчанія.—Ты мнѣ какъ-то говорилъ уже объ этомъ. Но какимъ путемъ ты ее досталъ? А? Не по доброй ея волѣ, надѣюсь?

Хенго захохоталь.

— Не молодъ ты,—отвѣчалъ онъ,—не стану тебѣ лгать. А слыханное-ли дѣло, чтобы у женщинъ спрашивать ихъ согласія? Гдѣ-же берутъ женщину въ жены иначе какъ не съ оружіемъ въ рукахъ? Такъ ужъ заведено у васъ, у насъ и по всему свѣту... Онѣ вѣдь не разсуждаютъ.

— Не всегда и не вездѣ,—замѣтилъ старикъ.—Молодымъ воли не даютъ—это правда, но старыхъ женщинъ у насъ уважають. Положимъ, умъ за ними не признають, но вѣдь духи часто говорятъ посредствомъ женщинъ, и знаютъ онѣ больше насъ... эти—наши вѣдьмы.

Вишъ вздохнулъ; оба помолчали.

— Позволь переночевать у тебя,—сказаль Хенго.—Что есть у меня въ сумахъ, покажу... Захочешь взять что-нибудь—ладно, а нѣтъ, не будемъ ссориться.

— За ночлегомъ дѣло не станеть, объ этомъ и просить не нужно,—сказаль Вишъ, вставая.—Кто разъ ночеваль подъ нашимъ кровомъ, всегда имѣетъ право отдохнуть у насъ. Мы тебѣ рады. Хлѣбъ, пиво да мясо есть; бабы начали уже варку... Пойдемъ.

II.

Вишъ направился къ воротамъ; за нимъ слѣдовалъ Хенго.

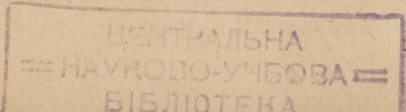
Въ то время когда старый Вишъ разговаривалъ съ человѣкомъ, прибывшимъ изъ страны „нѣмыхъ“, не понимающихъ языка обитателя этой земли, изъ-за изгородей и заборовъ множество головъ смотрѣло на нихъ съ любопытствомъ. Очень рѣдко случалось, чтобы чужой человѣкъ съумѣлъ пробраться въ такую лѣсную глушь. Вотъ почему, когда показались чужіе люди и лошади, а работникъ запиралъ собакъ въ сарай, чтобы тѣ не бросились на чужихъ, всѣ, у кого только были глаза, бѣжали къ заборамъ, чтобы хотя въ щель, издали, посмотреть на чужихъ.

466324
За изгородью виднѣлись бѣлые платки замужнихъ женщинъ, украшенные зелеными вѣнками головы дѣвушекъ, длинные волосы мужчинъ, коротко стриженные головы батраковъ и дѣтскіе съ испугомъ вытаращенные глаза среди бѣлокурыхъ густыхъ кудрей, путавшихся на ихъ головкахъ. Дѣти старались подняться какъ можно выше; чтобы лучше видѣть, они взбирались на камни, смотрѣли въ щели, убѣгали и снова возвращались къ забору... Даже старыя бабы высовывали свои дрожація головы между кольями забора, а, такъ-какъ онѣ опасались „чужого“, то вырывали траву, подымали комки земли и плевали въ сторону Хенго, бросая на воздухъ землю и траву—вѣрное средство защитить себя отъ его злыхъ глазъ.

Жена Виша, по имени Яга, увидѣвъ, что мужъ ея ведетъ нѣмца къ воротамъ, вышла имъ навстрѣчу и, закрывая ротъ платкомъ, всѣми силами старалась дать ему понять, что желаетъ говорить съ нимъ наединѣ. Вишъ и Хенго дошли уже до воротъ, которыя начали отворять передъ ними, когда Яга подошла къ мужу, не обращавшему вниманія на ея жесты.

— Зачѣмъ это ты ведешь въ домъ чужого нѣмца?—сказала она мужу шопотомъ.—Можно-ли знать, что онъ несетъ съ собою? Онъ можетъ сглазить насъ всѣхъ!

— Это тотъ самый Хенго,—живетъ надъ Лабою,—который привозилъ къ намъ ожерелья, иглы и ножи... Тогда вѣдь ничего не осталось? Нечего его бояться, потому-что кто гонится за барышами, тому не до колдованія.

— Не хорошо ты говоришь, мой старый, — отвѣчала жена; — эти люди хуже тѣхъ, которые нападаютъ съ пожами и палицами въ рукахъ. Но быть твоей волѣ, а не моей...

Яга быстро отошла, не оглядываясь на нихъ, и почти бѣгомъ направилась къ избѣ, выстроенной по срединѣ двора. А, такъ какъ она дала знать рукою женщинамъ, пріютившимся въ разныхъ углахъ двора, то всѣ онѣ разбѣжались и попрятались въ избахъ. Только работники и двое сыновей хозяина остались на дворѣ.

Хенго вошелъ въ ворота, онъ старался имѣть бодрый видъ, хотя съ боязнью оглядывался по сторонамъ. Герда верхомъ вѣхалъ во дворъ, ведя за собою другую лошадь. Работники собрались въ кучку и, перешептываясь между собою, съ любопытствомъ смотрѣли на нѣмцевъ.

Вишъ ввелъ ихъ къ свѣтлицу.

Хижина Виша находилась въ самой срединѣ двора. Выстроенная изъ срубовъ, законопаченная слоями мха, хижина Виша была выше и просторнѣе остальныхъ. Двери съ высокимъ порогомъ, ведущія въ нее, были безъ замка, потому-что здѣсь никто ничего не запиралъ. Изъ стѣнъ, по лѣвой сторонѣ, большая изба; ея глиняный полъ былъ усыпанъ свѣжей зеленью; въ глубинѣ громадная печь изъ камней, на которой огня никогда не гасили. Дымъ выходилъ черезъ неплотно пристающія доски на крышѣ. Стѣны, потолокъ и все находящееся вблизи печки было покрыто толстымъ слоемъ сажу, блестящей какъ стекло. У стѣнъ стояли простыя скамьи... Въ углу огромный столъ, а за нимъ большая миса для приготовленія тѣста, покрытая кускомъ бѣлаго полотна.. Надъ нею висѣли засохшіе вѣнки и пучки разнаго зелья.

На столѣ, на которомъ красовалась полотняная скатерть, вышитая цвѣтными нитками, лежали наръзанные куски хлѣба и небольшой ножъ. У входа, при дверяхъ помѣщалось ведро съ водою, тутъ-же былъ и черпакъ. Въ углу стояли небольшіе жернова и нѣсколько длинныхъ палокъ, на которыхъ висѣло полотно.

Небольшое окошко, съ внутренней стороны закрываемое ставней, въ эту минуту было открыто, пропуская въ избу столько свѣта, сколько было необходимо для ея освѣщенія. Когда Вишъ

и Хенго переступили черезъ порогъ, старикъ протянулъ руку гостю и, кланяясь ему, проговорилъ:

— Вотъ хлѣбъ, вотъ вода, огонь и скамья, ѣшь и пей, согрѣйся, отдохни, и добрые духи да пребываютъ съ тобою!

Хенго неловко поклонился въ отвѣтъ.

— Да будетъ благословленъ этотъ домъ!—проговорилъ онъ съ усиленіемъ послѣ минутнаго молчанія,—да не переступаютъ болѣзни и печали черезъ его порогъ!

Затѣмъ, Хенго присѣлъ на скамью, а Вишъ, взявъ кусокъ хлѣба со стола, разломилъ его на двѣ части: одну съѣлъ самъ, а другую далъ Хенго, который сдѣлалъ тоже.

Это продолжалось не долго... Гость былъ торжественно принятъ, а тѣмъ самымъ приобрѣлъ нѣкоторыя права. Женщины не показывались, но Хенго былъ глубоко убѣжденъ, что онѣ смотрѣли черезъ щели на „нѣмца“, такъ-какъ до его ушей долетали звуки сдерживаемаго хохота и женскіе голоса.

— Ну, теперь,—проговорилъ Хенго,—когда ты меня такъ гостепріимно принялъ, пока еще свѣтло, я покажу тебѣ, что привезъ съ собою... Ты убѣдишься, что обмана никакого тутъ нѣтъ... а есть на что посмотреть!

Старикъ не отвѣчалъ. Хенго, не дожидаясь отвѣта, направился къ двери; одинъ изъ работниковъ повелъ его въ сарай, гдѣ уже стояли лошади и Герда.

Герда отдыхалъ, сидя на колодѣ, и внимательно оглядывался по сторонамъ. Сумки лежали около него на землѣ. Хенго взялъ въ руки одну изъ нихъ и ловкимъ движеніемъ положилъ себѣ на плечи, какъ-бы избѣгая чужой помощи или желая выказать свою силу. Смотря на легкую поступь Хенго, всѣ были убѣждены, что сумки чрезвычайно легки. Немного наклонившись въ дверяхъ, Хенго вошелъ въ избу и здѣсь, у самаго окна, на широкой скамѣ началъ развязывать веревки. Мужчины окружили его со всѣхъ сторонъ. Нѣмецъ, развязавъ веревки, открылъ обѣ сумки и, отыскавъ глазами Виша, просилъ его подойти ближе.

— Ну что-жъ это? Одни только мужчины,—сказалъ онъ,—а женщинамъ и глазъ потѣшить не позволяютъ? Я не молодъ, меня нечего бояться или стыдиться.

Вишъ самъ не зналъ, что дѣлать, показать женщинамъ нѣ-

мецкія игрушки, или-же не допускать ихъ къ нѣмцу?... Послѣ минутнаго колебанія онъ далъ знакъ рукою и самъ подошелъ къ двери, ведущей въ сосѣднюю избу. Здѣсь старая Яга стояла на часахъ, закрывая собою двери, но о ея угрозахъ и опасеніяхъ все забыли, когда старый Вишъ далъ полную свободу женщинамъ посмотрѣть нѣмецкій товаръ. Все онѣ бросились къ сумкамъ нѣмца. Любопытство заставляло ихъ войти въ избу, а боязнь удерживала. Первая дѣвушка, которая посмотрѣла рыжему нѣмцу въ глаза, вскрикнула и убѣжала; за нею точно напуганное стадо бросились и другія. Смѣхъ, говоръ и сердитый голосъ Яги раздавались въ избѣ.

Хенго, между тѣмъ, стоя на колѣняхъ, вынималъ изъ сумокъ разныя вещи и время отъ времени поглядывалъ въ сторону женщинъ. Глаза его внимательно слѣдили за всеміи присутствующими въ избѣ, хотя онъ и дѣлалъ видъ, что кромѣ товара ничто его не занимаетъ. Дѣвки, какъ вода въ озерѣ, то приближались къ нѣмцу, то удалялись отъ него; онѣ, бѣдняжки, не знали, какъ имъ поступать; сюда влекло ихъ любопытство, но вмѣстѣ съ тѣмъ пугали угрозы старухи Яги. Нѣмецъ, котораго зоркіе глаза всего больше пугали дѣвокъ, дѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ всего происходившаго за его спиною, и продолжалъ раскладывать свой товаръ на скамьѣ.

А товару было много: на скамьѣ блестѣли длинныя иглы съ особенными застѣжками для платковъ, такъ ловко выдѣланныя изъ какого-то свѣтлаго металла, какъ-будто были сплетены изъ льна или шерсти. Нѣкоторыя были снабжены большими пуговками, другія походили на завядшія стебли цвѣтовъ. Выборъ громаднѣйшій. Тутъ-же лежали металлическія ожерелья съ блестками, колечками и крошечными колокольчиками. Хенго прикладывалъ ихъ къ шеѣ, не говоря ни слова, желая этимъ показать, что на сукнѣ онѣ еще лучше кажутся. Нѣкоторыя ожерелья были похожи на дѣвичьи косы, другія совсѣмъ гладкія, изъ твердаго металла, могли защитить шею отъ стрѣлы или удара. Между прочимъ на скамьѣ лежали украшенія для дѣвицъ: на длинной веревкѣ цѣлый пукъ острыхъ металлическихъ шиповъ. Веревки были разной длины, были и такія, которыя, точно змѣи, вились около руки отъ кисти до плеча. Были и для мужчинъ такія-же кольца, но

только изъ болѣе твердаго металла и длиннѣе. Колець у Хенго тоже былъ большой выборъ: бѣлыя и желтыя, плетенныя и простыя.

Мужчины осматривали топоры, длинные ножи, долота, металлическіе круги для накладыванія на плечи, которыхъ не можетъ пробить стрѣла и ножъ.

Когда Хенго началъ закладывать эти круги на скамью, молодые парни съ жадностью бросились на нихъ: глаза у мужчинъ сверкали, руки дрожали. Даже старый Вишъ подошелъ къ скамьѣ. Хенго вынулъ изъ ноженъ острый блестящій ножъ съ красивою рукоятью и подаль его Вишу. Старый улыбнулся, взявъ въ руки оружіе, которое сверкало на солнцѣ.

— Это лучше всѣхъ вашихъ старыхъ костей и камней,—сказалъ Хенго, смѣясь,—дольше прослужить, лучше защитить, да и внучатамъ останется въ наслѣдство. Человѣка-ли, дикаго-ли звѣря,—лишь-бы рука сильна,—навѣрное побѣдитъ; а дома, кто умѣетъ съ нимъ обращаться, ко всему пригодно.

Когда Хенго говорилъ съ мужчинами, показывая имъ острый мечъ и всѣ его достоинства, женщины понемногу, одна за другою, приблизились къ скамьѣ и пожирали глазами кольца, иглы и металлическіе шипы. Хенго посмотрѣлъ на нихъ. Всѣ были одѣты въ полотняныя бѣлыя юбки и такія-же рубахи, а всетаки среди всѣхъ хозяйскихъ служанокъ и работницъ очень легко было узнать двухъ невѣстокъ и двухъ дочерей стараго Виша. Зеленые вѣнки украшали ихъ головы. Нѣсколько проще одѣтыя служанки стояли за ними.

Изъ двухъ дочерей та, которая стояла впереди всѣхъ, была такъ красива, что и среди самыхъ прелестныхъ женщинъ могла бы занять первое мѣсто. Лицо ея было бѣлое и менѣе загорѣлое, чѣмъ у сестры: видно, она не была охотницей бѣгать по полямъ, а больше сидѣла дома за ткацкимъ станкомъ. Красавица широко открытыми большими голубыми глазами смотрѣла то на кольца и другія блестящія бездѣлки, то на чужестранца, бросая по-временамъ тревожные взгляды на своихъ сестръ и братьевъ. Но она не приходила въ восторгъ отъ этихъ игрушекъ. Со сложенными на груди руками, она смѣлѣе всѣхъ заглядывала рыжему нѣмцу въ его бѣгающіе глазки. На бѣлой рубахѣ, на груди красавицы, красовались янтарныя бусы, къ которымъ были примѣшаны куски

синяго и красного вещества, имѣвшія форму большихъ зеренъ. На волосахъ весело зеленѣлъ свѣжій вѣнокъ. На лицахъ другихъ женщинъ блуждали веселыя дѣтскія улыбки, ея лицо было печально, а глаза смотрѣли задумчиво. Среди другихъ она казалась царицею.

Хенго нѣсколько разъ бросалъ взглядъ на нее. Красавица, покраснѣвши, отошла въ сторону, но, оправившись немного, опять возвратилась на прежнее мѣсто. Нѣмецъ взялъ со скамьи большое кольцо и, подержавъ немного у самого окна, чтобы все могли замѣтить его достоинства, подалъ красавицѣ.

— Вотъ гостинецъ за гостепріемство,—сказалъ онъ, обращаясь къ дочери Виша, которая, немного смутившись, гордо посмотрѣла на нѣмца и отошла въ сторону.

— Прими его, онъ тебѣ принесетъ счастье,—уговаривалъ Хенго.

Не отвѣчая ни слова, не протягивая руки за кольцомъ, дочь Виша оставила свое мѣсто и спряталась за другими. Отецъ посмотрѣлъ на нее, красавица встряхнула головою. Хенго предложилъ кольцо второй дочери Виша, которая, улыбаясь и покраснѣвъ до ушей, протянула къ нему руку, закрытую передникомъ, и съ радостью приняла подарокъ. Сейчасъ-же женщины и работники окружили ее, желая разсмотрѣть это чудо... Все бросились съ кольцомъ въ сосѣдную избу—къ матери... Слышенъ былъ шопотъ, сердитое ворчанье, но вскорѣ получившая подарокъ вышла оттуда съ завернутымъ въ самый кончикъ передника кускомъ янтаря. Она посмотрѣла въ глаза отцу, который кивнулъ головою, и кусокъ темнаго янтаря положила на скамью.

— Возьми это!—сказалъ Вишъ,—намъ не слѣдуетъ брать подарковъ за ночлегъ!

Хенго улыбнулся, внимательно осмотрѣлъ янтарь и опустил его въ небольшой мѣшокъ, привязанный къ кушаку подъ верхнюю одежду. Однако, прежде, чѣмъ положить его туда, нѣмецъ плюнулъ на него такъ ловко, что никто этого не замѣтилъ,—Хенго боялся, что янтарь заколдованъ.

Вишъ стоялъ молчаливый и угрюмый, положивъ мечъ на скамью... Мужчины шептались между собою, любуясь на топоры и ножи... По ихъ глазамъ видно было какъ охотно взяли-бы они

эти сокровища, но хозяинъ все еще молчалъ, а безъ его вѣдома и согласія въ этомъ домѣ ничего не дѣлалось. Онъ былъ главою и господиномъ; никто здѣсь не смѣлъ имѣть своей воли. Хенго, разложивъ все, что у него было, на скамьѣ и на полу, смотрѣлъ съ гордостью на окружающихъ.

Женщины вышли, одни только мужчины остались въ избѣ... всѣ молчали: вдругъ глаза старика увидѣли что-то такое на скамьѣ, чего ему еще ни разу не случалось видѣть. Это былъ блестящій крестикъ съ колечкомъ... для ношенія на груди. Онъ такъ странно свѣтился и блестѣлъ, что обратилъ на себя вниманіе всѣхъ...

— А это что такое? спросилъ Вишъ, показывая на крестикъ.

Хенго кажется только теперь замѣтилъ, что вынулъ его изъ сумки и старательно началъ укладывать въ мѣшокъ подъ платьемъ.

— А это,—сказалъ онъ, смутившись немного,—это знакъ... для людей другой вѣры—не вашей... онъ имъ счастье приноситъ...

— А намъ не принесъ-бы счастья?—спросилъ Вишъ.

Хенго не отвѣтилъ ни слова. Полная тишина снова воцарилась въ избѣ. Этотъ, такъ быстро спрятанный, таинственный знакъ занималъ всѣхъ. О немъ теперь думали. Нѣмецъ зоркими глазами старался угадывать ихъ мысли.

— Трудно устоять,—проговорилъ хозяинъ,—когда что-нибудь само въ домъ приходитъ, а въ жизни можетъ пригодиться. Въ былыя времена у жрецовъ только да у жупановъ можно было встрѣтить такія вещи, а теперь и мы, кметы, волей-неволей, должны ихъ приобретать. Не возьмутъ дѣвки, да и она отцовскаго дома не оставитъ, пока ей къ вѣнцу не прибавятъ блестящихъ колець и иголокъ.

Вишъ поманилъ рукою старшаго сына и шепнулъ ему что-то на ухо... Сейчас-же онъ и другой братъ его вышли изъ избы. Вишъ сѣлъ на скамью и началъ откладывать въ сторону, что ему хотѣлось оставить для себя и для своихъ. Онъ отложилъ красивый мечъ, нѣсколько топоровъ, молотъ, одинъ, другой, ножницы, нѣсколько колець, два ожерелья съ блестками... Старикъ призадумался и началъ считать, хватитъ-ли для всѣхъ отложенныхъ вещей.

Хенго, пользуясь удобною минутою, взялъ со скамьи пару желѣзныхъ наплечниковъ и поднялъ ихъ вверхъ.

— Вотъ это пригодилось-бы старому Вишу,—сказалъ онъ,—да не только что пригодилось-бы, но это ему и пристало...

— А мнѣ на что?—спросилъ хозяинъ,—развѣ чтобы сыновья со мною вмѣстѣ сложили въ могилу... Воевать мнѣ ужъ не прійдется, на то есть у меня взрослые парни, а дома на что?

— Ты сказалъ: „въ могилу“,—началъ Хенго,—да хранить тебя боги долгія лѣта, но и въ могилу взять это съ собою не мѣшаетъ... У васъ вѣдь обычай такой, что на костеръ одѣваютъ оружіе и лучшую одежду, какъ слѣдуетъ богатому кмету...

Старикъ рукою махнулъ въ отвѣтъ на эти слова.

— Что ты, что ты!—сказалъ онъ.—Желать да брать очень легко, но что дать въ замѣнъ? У насъ теперь запасы небольшіе.

— Ну, мѣхъ да янтарь должень-же быть у васъ; море у васъ подъ руками; а въ землѣ вашей развѣ его мало?..

Вишъ молчалъ, дожидаясь возвращенія своихъ сыновей. Вскорѣ оба появились въ дверяхъ: одинъ изъ нихъ несъ большой мѣшокъ, другой вязку кожъ и разныхъ мѣховъ. Когда сыновья Виша разложили все принесенное на землѣ, нѣмецъ началъ вынимать изъ мѣшка куски янтара, большіе комки земли, свѣтящіеся мѣстами. Глаза Хенго блестя; онъ внимательно осматривалъ каждый комокъ земли, каждую грудку янтара: нѣкоторые куски отливали прелестнымъ желтымъ цвѣтомъ, другіе казались окаменѣвшею жидкостью... Мѣха были великолѣпны: Хенго щипалъ ихъ пальцами, ни одинъ волосокъ не остался у него въ рукахъ.

Вишъ и Хенго начали торговаться молча, безъ словъ... Хенго откладывалъ въ сторону янтарь и мѣха, которыя ему хотѣлось получить въ замѣнъ за свои металлы; старый Вишъ отбрасывалъ чего не хотѣлъ дать въ обмѣнъ. Нѣсколько разъ они пересчитывали кожи и то, что лежало на скамьяхъ, вѣсили въ рукахъ куски янтара, прибавляли, убавляли... То одинъ, то другой выражать неудовольствіе... То Вишъ что-нибудь прибавитъ или отложить въ сторону, то Хенго возьметъ кольцо со скамьи или кусокъ янтара прибавитъ къ ранѣе отложеннымъ. Иногда оба задумывались: казалось тогда, что обмѣнъ не совершится, что между ними не будетъ согласія. Хенго дѣлалъ видъ, что свои вещи уклады-

ваеъ въ сумки, а парни, по приказанію Виша, убирали кожи... Наконецъ Хенго протянулъ руку, а старый Вишъ ударилъ по ней своею рукою. Сдѣлка увѣнчалась успѣхомъ. Вишъ пересчиталъ пріобрѣтенный товаръ и сейчасъ-же раздѣлил его среди всеобщаго восторга. Сыновья кланялись ему въ ноги, женщины смѣялись отъ радости... Нѣмецъ складывалъ кожи, связывалъ ихъ и укладывалъ янтарь.

Хенго совсѣмъ выбился изъ силъ за этою работою: онъ напился воды и пріѣхалъ на скамью...

— Ну, вотъ смотри,—сказалъ хозяинъ,—сколько мы тебѣ дали, а взамѣнъ что получили! Въ двѣ руки все спрячешь! Почему, все ваше такъ дорого, а наше—дешево?

Хенго улыбнулся.

— Во-первыхъ,—началъ онъ объяснять,—я жизнь подвергалъ не малой опасности, пробираясь къ вамъ съ моимъ товаромъ. Не легко путешествовать! А то, что я вожу съ собою, этого земля не даетъ и люди не дѣлаютъ, а только однѣ духи, живущіе въ пещерахъ... Они похожи на крошечныхъ людей... За этимъ металломъ они должны входить въ самую глубь земли... Не мало земли потопчешь, пока вымолишь у нихъ хоть немного этихъ вещей... Не день и не два, но цѣлые мѣсяцы и годы ѣдешь къ нимъ... да! Каждый день жизнь въ опасности: дикіе звѣри, да и чужіе люди, всегда готовые обокрасть путешественника,—это вѣдь не шутки! Хотя и знаешь всѣ рѣки, овраги и горы, но не разъ заблудишься... Иногда ѣсть нечего, а часто и отдохнуть негдѣ... Хорошо и то, что жизнь сохранишь! И что-жъ тутъ удивительнаго, что за малый кусокъ металла много берешь. Для васъ лѣсъ и дикій звѣрь—это забава, янтарь море даетъ и земля рождаетъ...

Вишъ, молча, слушалъ. Работники и сыновья его отошли въ сторону; женщины болтали весело въ сосѣдней избѣ, одна только Дива, красавица, дочь Виша, не принимала въ общей радости никакого участія: она стояла въ полуоткрытыхъ дверяхъ и прислушивалась къ общему говору.

Вишъ говорилъ тихо; Хенго ловилъ его слова на лету.

— А если такъ трудно и опасно развозить товары,—сказалъ Вишъ,—такъ зачѣмъ ѣздить? У тебя должна-же быть земля и хижина?

Хенго нахмурилъ брови.

— А ты зачѣмъ ходишь на охоту, зная, что звѣри свирѣпы и дики?—возразилъ онъ Вишу.—Значить, ужъ на роду такъ написано: человѣкъ не въ силахъ перемѣнить своей жизни. Я не гоняюсь за богатствомъ, а за судьбою своей, которая заставляетъ идти все впередъ. Цѣлые народы откуда-то съ востока приходили, оставляли свою землю, искали новой, а развѣ у нихъ былъ недостатокъ въ землѣ? Точно такъ и мой духъ заставляетъ меня скитаться по бѣлу свѣту.

— Во многихъ земляхъ бывалъ?—спросилъ Вишъ.

Хенго улыбнулся.

— Въ столькихъ земляхъ, что и не упомяну, изъ сколькихъ рѣкъ воду пилъ, черезъ сколько горъ проходилъ; два моря видѣлъ... а языковъ, которые приходилось слышать, не счумѣлъ-бы перечислить, а разныхъ людей сколько?!...

— Изъ всѣхъ народовъ, говорятъ, нашихъ больше всего,—сказалъ Вишъ.—Поляне понимаютъ и тѣхъ, которые по Одеру живутъ, и по Лабѣ, и Поморцевъ, и Ранъ на Островѣ, Сербовъ и Хорватовъ тоже, и Моравцевъ вплоть до Дуная... и дальше. Кто ихъ всѣхъ пересчитаетъ! Нашихъ больше, чѣмъ звѣздъ на небѣ.

— Гмъ!—произнесъ Хенго.—И нашихъ тоже довольно...

— А земли вдоволь, всѣмъ хватаетъ,—продолжалъ Вишъ, не обращая вниманія на слова Хенго.—Каждый у себя дома всегда найдетъ что ему нужно: мать-землю подъ ногами, солнышко надъ головою, воду въ рѣкѣ, а хлѣбъ въ рукахъ.

Хенго молчалъ.

— Хотя оно и такъ,—сказалъ онъ, наконецъ,—а все-жъ одни на другихъ нападаютъ: кто съ голода, кто съ жадности, а часто и ради плѣнныхъ, если въ нихъ недостатокъ...

— Это у васъ такъ,—замѣтилъ старикъ.—Намъ войны не надо, мы вовсе не любимъ ея. Наши боги любятъ миръ и мы тоже.

Эти слова не понравились нѣмцу.

— А кто васъ станетъ беспокоить?—спросилъ онъ: — земли много, конца ей нѣтъ; лѣсъ—войти легко, но какъ выйти потомъ?...

— Мы у васъ научились воевать и защищаться,—сказалъ Вишъ;—прежде объ этомъ мы и понятія не имѣли. Правда, гдѣ-то тамъ у заката солнца ваши духи дѣлаютъ оружіе лучше нашего,

но и наши старые камни да палицы дѣлають свое дѣло также хорошо.

— Мы уже успѣли забыть о камнѣ,—возразилъ Хенго;—старые молоты давно ужъ лежать въ могилахъ, и врядъ-ли отыщеть ихъ кто-нибудь. Камень ни на что не годенъ, когда есть металлъ, а маленькіе духи все больше и больше выносятъ его изъ земли.

— Къ намъ его привозять со стороны моря и изъ вашихъ земель,—продолжалъ Вишъ,—а все-же мы учимъ дѣтей уважать камень, потому-что боги сами выучили нашихъ предковъ какъ его обдѣлывать. Въ каждую могилу мы кладемъ молотъ—Божью сѣкиру, каменную, чтобъ умершій могъ представить ее своимъ богамъ и показать, кто онъ и откуда пришелъ. А то иначе боги не узнали-бы его.. И такъ будетъ во вѣки вѣковъ и у внучатъ нашихъ.

Хенго съ любопытствомъ ловилъ каждое слово Виша. Старикъ поднялся со скамьи, протянулъ руку на полку, надъ мисою съ тѣстомъ, на которой лежали каменные молоты и топоры съ деревянными ручками, взялъ ихъ нѣсколько въ обѣ руки и, показывая нѣмцу, проговорилъ:

— Это намъ досталось въ наслѣдство отъ дѣдовъ и прадѣдовъ. Они били ими враговъ, убивали жертвы богамъ и охотились на звѣрей. Если-бы не камень, не было-бы ни жизни, ни человѣка. Изъ камня произошелъ человѣкъ и жилъ помощью камней. Изъ камня вышелъ первый огонь, онъ зерно обратилъ въ муку—и да будетъ благословенъ! Вашъ металлъ ѣстъ и вода, и земля, и воздухъ, а нашего ничто не портитъ!

Послѣ этихъ словъ Вишъ осторожно положилъ молоты на полку.

Во время разговора Виша съ гостемъ, служанки хлопотали около печи, приготовляя ужинъ. Яга стояла въ открытыхъ дверяхъ, ведущихъ въ слѣдующую избу, и присматривала за ними. Вмѣстѣ со служанками работали и дочери и невѣстки Виша; одна только Дива, со сложенными на груди руками, съ вѣнкомъ цвѣтовъ на головѣ, издали присматривалась ко всей этой суетнѣ. Она была моложе всѣхъ въ домѣ, любимицей родителей, притомъ красивѣе всѣхъ и пѣла пѣсни: лучше ея никто не умѣлъ пѣть. Мать выучила ее прелестнымъ рассказамъ, отецъ ей одной пере-

давалъ старыя преданія. Всѣ знали, что ее навѣщали духи, что ночью духи нашептывали ей такія вещи, о которыхъ никто, — ни мать, ни отецъ даже не знали. Кто хотѣлъ узнать свое будущее, обращался къ ней: она посмотритъ, бывало, подумаетъ и скажетъ. А пѣсни у нея родились, точно весною цвѣты на прибрежномъ лугу. Когда на перекресткахъ или у священныхъ источниковъ ея семейство складывало жертвы богамъ, она была первою въ этомъ дѣлѣ и всѣ уступали ей первое мѣсто и всѣ уважали эту избранную богами дѣвушку: ни одинъ парень не осмѣливался взглянуть на нее. Всѣ знали, что она любимица боговъ и духовъ. Вотъ почему она не боялась идти въ лѣсъ, въ тѣ мѣста, гдѣ пребывали духи, летая надъ ручьями и оврагами; никто, кромѣ нея, не посмѣлъ входить въ такое мѣсто. Дива знала, что невидимая рука всегда защититъ ее отъ нападенія дикаго звѣря или оборотня, не допуститъ подойти къ ней ужю или дракону.

У огня приготовляли ужинъ, который по случаю прибытія гостя былъ нѣсколько лучше обыденнаго. Въ большомъ горшкѣ Яга велѣла сварить мясо съ крупю. Тутъ-же у самого огня поджаривали большой кусокъ свѣжей козлятины. По приказанію Яги на столѣ въ деревянныхъ кувшинахъ парни поставили медъ и пиво. По всему было видно, что Вишъ не бѣдный кметъ; и молока было вдоволь, а хлѣба и калачей очень много.

Когда все было готово, Вишъ попросилъ гостя занять мѣсто за столомъ, а самъ сѣлъ на обыкновенномъ своемъ мѣстѣ. Рядомъ съ нимъ сидѣли сыновья, а нѣсколько дальше работники... Дѣвицы и женщины не сѣли вмѣстѣ съ мужчинами: онѣ прислуживали. Молча принялись всѣ за мясо, отрывая куски пальцами; только Хенго вынулъ небольшой ножъ и началъ рѣзать мясо для себя. Этотъ чуждый полянамъ обычай обратилъ общее вниманіе, такъ-какъ здѣсь ножемъ рѣзали только одинъ хлѣбъ, а все остальное ѣли и дѣлили пальцами. Разставленное пиво, медъ и воду женщины разливали въ небольшіе деревянные кувшины и подавали сидящимъ за ужиномъ... Вишъ вылилъ немного пива на полъ... Хенго, котораго голодъ сильно беспокоилъ, ѣлъ и пилъ много и, только когда наѣлся вдоволь, вспомнилъ о своемъ сынѣ. Онъ обратился съ просьбою къ хозяину, чтобы тотъ приказалъ накормить Герду. Вишъ кивнулъ головою.

— Ёшь и не безпокойся,—сказаль онъ Хенго,—объ немъ не забудуть. У насъ такой обычай, что заботятся не только о хозяйнѣ, но и о его слугахъ; если-бы у тебя были съ собой собаки и онѣ не околѣли-бы съ голоду. Кто знаетъ, что вносятъ въ себѣ звѣри, которымъ боги отказали въ рѣчи? Онѣ вѣдь понимаютъ насъ, стерегутъ при жизни, а послѣ смерти жалѣють.

Вишь говорилъ это, поглядывая на своихъ собакъ, которыя, вырвавшись изъ заточенія и почуявъ ужинъ, вошли въ избу, влѣзли подъ столъ и грызли кости, которыя бросали имъ ужи-нающіе.

Солнце клонилось къ закату, когда, наѣввшись и напившись, Вишь всталъ, а велѣдъ за нимъ всѣ оставили свои мѣста. Поднялся съ мѣста и Хенго; мужчины вышли на дворъ, уступая свои мѣста женщинамъ.

Старикъ повелъ нѣмца къ рѣкѣ, на то-же мѣсто, гдѣ они сидѣли недавно. По пути Хенго оставилъ свои мѣшки и сумки въ сараѣ, такъ-какъ чуть свѣтъ онъ намѣревался отправиться въ путь. Въ рошѣ пѣли соловьи, надъ болотами летали крикливыя птицы, наполняя воздухъ своими возгласами, въ лѣсу куковала кукушка, а на лугу, въ тростникѣ, коростель, точно часовой, вскрикивалъ время отъ времени... Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ того мѣста, гдѣ сидѣли Вишь и Хенго, два аиста, гнѣздо которыхъ виднѣлось на одной изъ крышъ, прохаживались взявъ и впередъ, время отъ времени наклоняя свои клювы для поимки перепуганныхъ лягушекъ.

III.

Немного помолчали; Вишь взглянулъ на нѣмца.

— Къ намъ-то ты пробрался благополучно, а дальше какъ? Куда думаешь ты ѣхать?

— Куда?—повторилъ Хенго, какъ-будто желая избѣжать вопросовъ Виша, которому не намѣренъ былъ высказать истину.— Куда? Да я и самъ еще хорошенько не знаю. Ты здѣсь на большемъ пространствѣ разсѣлся со своимъ семействомъ; ты здѣсь властелинъ... Я разъ ужъ былъ у тебя и теперь вздумалъ заѣхать

къ знакомому. Дальше пустыня; ѣхать, хотя-бы и по теченію рѣки, не легко, того и гляди попадешь въ просакъ, а еще хуже натолкнешься на толпу злыхъ людей, которые всегда готовы отнять жизнь у каждаго встрѣчнаго. По мелкимъ лѣснымъ хижинамъ не стоитъ развозить товара, немного пользы изъ этого... но... гдѣ-то здѣсь близко живетъ вашъ князь... Если-бы недалеко, я-бы поѣхалъ къ нему...

Вишъ сдвинулъ сѣдыя брови, а рукою указалъ по направленію вправо, не говоря ни слова.

— Да, есть у насъ князь... въ городѣ, на озерѣ, и отсюда можно доѣхать къ нему въ одинъ неполный день. Князь, князь!— повторилъ Вишъ съ досадою.—Этотъ князь хочетъ распространить свою власть на всѣхъ, онъ всѣ наши земли считаетъ своими, по всѣмъ кнеямъ охотится и со своими вооруженными людьми выдѣлываетъ, что только ему на умъ взбредетъ... Это жестокій человѣкъ — попасть къ нему въ руки все равно, что къ голодному волку въ пасть... Но у людей есть разные средства и противъ волковъ.

— Вашъ князь вѣдь не чужой человѣкъ, — сказалъ Хенго, помолчавъ немного, — нужно-же, чтобъ у народа былъ глава и вождь, — что-же бы онъ сдѣлалъ, если-бъ враги напали на него?

— Да хранить насъ боги отъ нашествія враговъ, — проговорилъ старикъ. — Мы знаемъ хорошо, что до тѣхъ поръ наша воля, пока мы живемъ мирно. Придетъ война, за ней явится неволя. А кто воспользуется военною добычею? вѣдь не мы, а нашъ князь и его слуги. Врагъ уничтожитъ наши хаты, уведетъ съ собою скотъ, а князь возьметъ себѣ плѣнныхъ, да и всю добычу. Только и пользы, что дѣти наши погибнутъ; а кто положить голову на полѣ брани, тому и могилы не насыпать, вороны разнесутъ его тѣло...

Вишъ махнулъ рукою и глубоко вздохнулъ.

— А сильный-ли владыка этотъ князь, который живетъ въ городѣ? — полюбопытствовалъ Хенго.

— Боги сильнѣе его, — проговорилъ Вишъ, — и громада тоже сильна... Я даю ему оброкъ такой, какой онъ приказываетъ; дальше я знать его не хочу, ни его, ни цѣлаго ихъ Лешковаго племени.

— Ты у себя господинъ,—сказаль Хенго, желая этимъ смягчить старика.

— Вѣрно,—отвѣчалъ Вишъ—А если-бы имъ вздумалось мѣшаться въ мои дѣла, то есть еще незаселенныя земли, я ушелъ-бы, какъ уходили мои отцы въ другое мѣсто, гдѣ не знаютъ ни войны, ни рабства. Запахавъ новую границу черными волами, я-бы нашелъ себѣ и своимъ новое жилище.

Презрительная, едва замѣтная улыбка скользнула по губамъ нѣмца, который затѣмъ сказалъ:

— Знаешь что: если-бы ты мнѣ указаль путь, ведущій къ Гоплу, да къ княжему Столбу—кто знаетъ, пожалуй, я-бы поплелся туда, хочется посмотрѣть немного и на княжій міръ.

Хозяинъ призадумался.

— Впрочемъ, испытай счастье—сказаль онъ.—Ваши бывали у него, многихъ и теперь у него встрѣтишь. Жена у него изъ нѣмецкой земли, по нѣмецкому обычаю ему хотѣлось-бы и нами управлять.

Старикъ поднялся съ камня.

— Солнце еще на небѣ, и ноги у тебя крѣпки,—сказаль онъ;—пойдемъ за лѣсъ, на гору, откуда видно далеко; видна и дорога къ княжему Столбу... Что-жъ хочешь взойти на гору?

Нѣмецъ оставилъ свой лукъ и пращу въ избѣ; онъ колебался, не зная, можно-ли съ пустыми руками отправиться въ глубь лѣса.

— Такъ просто? Не имѣя оружія въ рукахъ?—спросилъ онъ.

— Я здѣсь на своей землѣ,—отвѣчалъ старикъ равнодушно,—меня здѣсь и звѣри не трогаютъ... Другого оружія мнѣ не надо, кромѣ этого рога,—продолжалъ Вишъ, вынимая изъ-за пазухи небольшой рогъ и показывая его нѣмцу.—Лишь звукъ разнесется по лѣсу—поймутъ.

Они отправились вмѣстѣ. Зеленый лугъ отъ ручья легко поднимался все выше и выше къ лѣсу. Среди засѣкъ старикъ отыскаль проходъ и тропинку. Черезъ нѣсколько минутъ лѣсная глушь окружала ихъ со всѣхъ сторонъ; здѣсь Вишъ, точно у себя дома, несмотря на то, что не было ни одной тропинки, шелъ впередъ, не останавливаясь ни на минуту. Хенго слѣдовалъ за нимъ; они оба молчали. Лѣсъ, расположенный по холмистому и крутому пространству, становился все гуще, все темнѣе. Среди

листьевъ порхали птицы, которымъ чужіе мѣшали уснуть. Онѣ, казалось, сердились на стараго хозяина, что мѣшаетъ имъ спокойно отдыхать. Синія крылья сивоворонки мигнули передъ ихъ глазами, сорока въ бѣлой юбочкѣ и цѣлый полкъ пернатыхъ обитателей лѣса громко заявляли свое неудовольствіе. Изъ-за дерева выглянула лисица и исчезла въ своей норѣ. По вѣтвямъ прыгали бѣлки, такъ ловко перескакивая съ одной вѣтви на другую, что трудно было уловить глазомъ ихъ движенія. Старикъ время отъ времени подымалъ вверхъ голову и осматривалъ борти, которыхъ здѣсь было чрезвычайно много на всѣхъ деревьяхъ; запоздалыя пчелы возвращались съ поля, неся богатую добычу, и торопились добраться до своихъ жилищъ раньше, чѣмъ падающая роса успѣетъ отягчить ихъ крылья своими брилліантовыми каплями.

Нѣмцу, не привыкшему къ путешествію пѣшкомъ, трудно было слѣдовать за старикомъ, взбравшимся съ ловкостью молодого охотника на высокій холмъ. Вдругъ лѣсъ сталъ такъ рѣдокъ, что, стоя на полянѣ, заросшей густою травою и составлявшей вершину холма, можно было видѣть всю большую долину, лежавшую у подножія его. Среди поляны возвышался могильный курганъ, на который взмошелъ Вишъ, за нимъ послѣдовалъ Хенго. Передъ ними разстилался прелестный видъ, поражающій своимъ величіемъ. Здѣсь Вишъ считалъ себя властелиномъ. Хенго стоялъ и глазамъ своимъ не вѣрилъ; онъ былъ пораженъ. Долина, большею частью покрытая густымъ лѣсомъ, купалась въ золотыхъ лучахъ заходящаго солнца; свѣтлые лучи озаряли вершины деревьевъ, скользили по поверхности синеватыхъ водъ озеръ и ручейковъ. Хенго казалось, что вся земля, весь міръ заросъ непроходимымъ лѣсомъ, широкимъ какъ безпредѣльное море и какъ море синѣющимъ вдаль. Точно волны колебались вершины деревьевъ. Среди этой темной зелени елей и сосенъ мѣстами виднѣлись золотистыя пятна озерковъ и группы майской зелени березъ и луговъ, усѣянныхъ цвѣтами. Вдали кругъ деревьевъ становился все гуще и темнѣе... Кромѣ отдѣльных верхушекъ гигантовъ—лѣсъ казался длинной синей полосой. Шумъ этого лѣса едва долеталъ до ушей нашихъ спутниковъ... Только въ двухъ мѣстахъ подымались два синіе столба дыма. Вѣтеръ утихъ совершенно. По всему пространству разстилалась надъ землею длинными поясами вечерняя роса.

Вишь указаль рукою въ правую сторону...

— Тамъ. Къ концу дня верхомъ туда легко доѣхать. Слѣдуй все по теченію рѣки, а пройдя всѣ впадающіе въ нее ручьи, переѣзжай ее въ бродъ и...

Вишь остановился. До его ушей, привыкшихъ различать самый отдаленный звукъ, долетѣлъ какой-то шорохъ. Онъ опустил голову и прислушивался. Хенго тоже слышалъ какой-то глухой топотъ, который приближался съ каждою минутою... На лицѣ Виша выразилось неудовольствіе; онъ еще разъ указаль рукою и спросилъ:

— Понимаешь? А теперь, — добавилъ онъ, — уйдемъ отсюда. Боюсь, не вызвали-ли мы волка изъ лѣсу... Слышу топотъ вдали. Вѣрно, это скачутъ княжескіе слуги, голодная толпа, которая никогда не отойдетъ съ пустыми руками. Зачѣмъ они ѣдутъ? Куда? Да къ кому-же, если не къ старому Вишу, у котораго всегда найдется старый медъ.

Старикъ, не обращая вниманія на нѣмца, возвращался тѣмъ путемъ, которымъ они прошли до самой вершины холма. Но теперь старикъ шелъ гораздо скорѣе и, пройдя лѣсъ, спускался вдоль по долинѣ... Здѣсь на берегу рѣки они замѣтили пять всадниковъ. Впереди скакалъ начальникъ, за нимъ по двое въ рядъ четыре его спутника. Не трудно было догадаться, что скакавшій впереди старше всѣхъ. Одежда его и лошадь болѣе красивыя, чѣмъ у остальныхъ, позволяли догадываться, что это княжескій слуга. Это былъ широкоплечій мужчина, длинные волосы закрывали ему лицо и спадали на плечи. На головѣ у него была круглая шапка, украшенная бѣлымъ перомъ; одежда его изъ свѣтлаго сукна была обшита красною лентою; большой мечъ, лукъ и большой мѣшокъ со стрѣлами составляли его оружіе. Ёдущіе за нимъ держали въ рукахъ топоры, на плечахъ у нихъ висѣли луки и пращи. Каждый изъ слугъ былъ обвѣшанъ сумками... Вишь, увидѣвъ всадниковъ, нахмурился точно ненастная ночь; онъ схватилъ рогъ и три раза затрубилъ, давая знать такимъ образомъ своимъ о приближеніи всадниковъ.

Когда звукъ рога раздался въ воздухѣ, всадники прибавили шагу; они осматривались по сторонамъ, желая узнать, кто трубилъ.

Впрочемъ, Вишь и не желалъ скрываться; напротивъ, онъ пошелъ къ нимъ на-встрѣчу.

— Эхъ, проклятыя змѣи:—ворчалъ Вишь!—ненасытные драконы. Княжескіе слуги, чтобъ имъ громъ ободралъ кожу! Тебѣ это на руку, — продолжалъ Вишь, оборачиваясь къ нѣмцу, — потому-что тебя и твои сумы они охотно возьмутъ съ собою, но для меня...

Хенго старался придать своему лицу равнодушное выраженіе; онъ не желалъ выказать своихъ чувствъ Вишу.

— Если мнѣ будетъ угрожать что-нибудь нехорошее, — сказалъ онъ, — надѣюсь, что гостепріимство заставитъ тебя вступиться за меня.

— Да, если мнѣ самому удастся отъ нихъ отдѣлаться, — сказалъ Вишь. — Ихъ всего пять человѣкъ, это немного, мои парни въ мигъ сѣмѣли-бы связать ихъ, но у княжата Столба найдется ихъ вдесятеро больше для того, чтобы отомстить мнѣ.

Княжескій слуга Смерда, ѣхавшій впереди, увидѣвъ Виша и догадываясь, а можетъ быть узнавъ въ немъ хозяина, остановилъ лошадь. Смерда, какъ и его товарищи, разглядывали не столько Виша, сколько нѣмца. Они видѣли въ немъ чужого, а чужой былъ для нихъ теперь находкой.

Вишь поклонился Смердѣ, но тотъ не отвѣтилъ на его поклонъ. Хенго тоже поклонился; онъ поблѣднѣлъ, чувствуя, что глаза всадниковъ испытующимъ взглядомъ окидываютъ его.

— Кого это ведешь съ собою, старый? — кричалъ Смерда. — Чужой? Откуда?

Четыре всадника окружили Хенго со всѣхъ сторонъ.

— Я живу на Лабѣ, торговецъ, человѣкъ спокойный — не чужой, — сказалъ Хенго, принимая болѣе увѣренный видъ; — я не чужой, потому-что мнѣ не впервые приходится быть здѣсь съ товаромъ... Меня свободно пускаютъ...

— Знаемъ мы этихъ спокойныхъ людей! — крикнулъ Смерда, смѣясь, — знаемъ мы ихъ... А кто знаетъ, зачѣмъ вы высматриваете наши земли, зачѣмъ вамъ знать дороги, ведущія къ намъ? Зачѣмъ вы узнаете, гдѣ можно пройти рѣку въ бродъ, зачѣмъ нарѣзываете знаки на деревьяхъ? Это все для того, чтобы потомъ привести другихъ...

— Это смирный человекъ,—проговорилъ Вишъ;—оставьте его въ покоѣ. Я съ нимъ хлѣбъ ломалъ.

— А мнѣ какое дѣло?—возразилъ Смерда.—Князь строго запретилъ пускать чужихъ. Онъ пойдетъ съ нами.

— Я готовъ идти съ вами хоть сейчасъ и пойду по доброй волѣ, милостивый воинъ,—сказалъ Хенго;—а когда я упаду на колѣни передъ княземъ, онъ отпустить меня, потому-что онъ справедливый властелинъ. Я пріѣхалъ съ моимъ сыномъ-подросткомъ, насъ всего двое... Что-же я могу сдѣлать такому могучему князю?

— Свяжите ему руки!—крикнулъ Смерда, обращаясь къ слугамъ,—а тамъ мы увидимъ!

Едва Смерда успѣлъ высказать свое приказаніе, двое слугъ подскочили къ нѣмцу и связали ему руки. Смерда направился къ хижины Виша.

У забора стояли сыновья и работники; въ воротахъ дожидалась старуха Яга, съ такою-же старою служанкою, но не было видно ни одной изъ молодыхъ женщинъ. По знаку, данному Вишемъ, всѣ молодыя женщины спрятались въ избы или ушли въ лѣсъ, чтобы не встрѣчаться съ чужими нахальными людьми. Лицо стараго Виша повеселѣло, когда онъ замѣтилъ, что на дворѣ не видно ни дочерей его, ни невѣстокъ.

Смерда у воротъ соскочилъ съ лошади; его слуги сдѣлали то-же; двое изъ нихъ вели Хенго, которому связали обѣ руки. Они смѣялись надъ нимъ, толкая его и не щадя пинковъ и ударовъ. Лошадей отвели въ сарай, а сами всадники направились въ избы. На порогѣ стояла Яга и, съ низкимъ поклономъ, поздравляя прибывшихъ, приглашала ихъ войти въ избы. Вишъ шелъ за ними; онъ молчалъ и хмурился. Когда чужіе вошли въ избы, она наполнилась шумомъ и крикомъ. Смерда занялъ на скамьѣ у стола первое, хозяйское, мѣсто. Незваные гости начали кричать во все горло, чтобы имъ подали пива и меду; парни принесли тотчасъ-же и то, и другое, желая избавиться отъ криковъ и ругани посѣтителей. Хозяинъ, не говоря ни слова, сѣлъ на скамьѣ, вдали отъ шумѣвшихъ княжескихъ слугъ.

— Ну, старый хозяинъ,—сказалъ Смерда,—ты, вѣрно, догадываешься, зачѣмъ мы пріѣхали къ тебѣ... Съ тебя слѣдуетъ князю оброкъ.

— А развѣ давно я отдалъ его?— произнесъ Вишъ угрюмо.

— Не думаешь-ли ты считаться съ нами? Кметъ съ княземъ!— засмѣялся Смерда.

— Да, кметъ съ княземъ, потому-что здѣсь, на своей землѣ, я князь,—сказалъ Вишъ.—Вы готовы кожу съ насъ драть подѣ предложемъ нашей защиты.

Смерда хотѣлъ-было засмѣяться, но, когда посмотрѣлъ на стараго, принявшаго гордый видъ, у него отпала охота; онъ сталъ гораздо ласковѣе.

— Пейте, и да будетъ вамъ на здоровье, какъ я желаю, — продолжалъ старикъ,—а затѣмъ мы поговоримъ о дѣлѣ.

Княжеткій слуга, подумавъ немного, понялъ, что здѣсь лучше и безопаснѣе не пускать въ ходъ насмѣшекъ и принялся за пиво. Его товарищи черпали пиво чашками и пили молча. Хенго со связанными руками стоялъ у двери. Смерда, напившись вдоволь, обратился къ нѣмцу:

— Гдѣ твои лошади и сумы?

— Онѣ будутъ завтра вмѣстѣ со мною у князя, — отвѣчалъ Хенго;—я прошу оставить меня въ покоѣ.

— Сдѣлаю съ тобою, что мнѣ вздумается!—воскликнулъ Смерда.

Вишъ хотѣлъ уже вступиться за чужого, но нѣмецъ быстро подошелъ къ Смердѣ, наклонился къ нему и началъ шептать ему что-то на ухо. На его лицѣ не было замѣтно испуга... Видно, угрозы Смерды не оказывали своего дѣйствія. Во все время, когда Хенго говорилъ, лицо Смерды морщилось, измѣнялось и, наконецъ, совсѣмъ повеселѣло. Онъ искоса посмотрѣлъ на нѣмца, встряхнулъ головою и, обращаясь къ своимъ людямъ, сказалъ:

— Развязать ему руки, завтра онъ отправится съ нами въ городъ; князь скажетъ, что съ нимъ дѣлать.

Хенго, освободившись отъ связывавшихъ его руки веревокъ, съ опущенною на грудь головою, сѣлъ въ углу. Смерда, не думая болѣе о пойманномъ нѣмцѣ, обратился къ Ягѣ:

— Э, старуха-мать,—сказалъ онъ весело,—а гдѣ-же твои невѣстки и дочери? Мы-бы охотно поглядѣли на нихъ — у нихъ гладкія личики!

— Вы не увидите ихъ, — сказалъ Вишъ. — Какое у васъ къ нимъ дѣло?

Яга-же отвѣтила на вопросъ:

— Съ утра ихъ нѣтъ дома. Онѣ всё ушли въ лѣсъ за грибами, за рыжиками; пожалуй, не вернуться раньше завтрашняго дня.

— Въ лѣсъ!—засмѣялся Смерда, которому вторили слуги, повеселѣвшіе отъ пива и меду. — Ой, жаль, что мы не встрѣтили ихъ на пути. По-крайней-мѣрѣ, было-бы съ кѣмъ повеселиться, хотя-бы и до слѣдующаго утра.

Вишъ грозно посмотрѣлъ на Смерду, у котораго пропала улыбка и слова замерли на губахъ отъ этого взгляда.

— Счастье ваше, что за такую забавою не застали васъ ихъ отецъ и братья,— сказалъ Вишъ:—а то вамъ пришлось-бы навсегда остаться въ лѣсу; только волки да вороны знали-бы, что съ вами случилось.

Медленно, угрюмо высказалъ это Вишъ. Смерда нахмурился. Его товарищи суетились около пива, онъ тоже подошелъ къ нимъ. Между тѣмъ, по данному знаку, сыновья Виша подошли ближе къ столу, къ нимъ приблизилась и Яга, а старикъ-хозяинъ сначала поправилъ дрова въ печи, потомъ направился къ двери, напился воды изъ ведра, стоявшаго у порога... Здѣсь сидѣлъ Хенго. Вишъ рукою далъ ему знать, чтобы онъ вышелъ на дворъ... Хенго исполнилъ желаніе Виша, и они оба вышли въ сѣни.

Старикъ молча указалъ своему гостю рукою на двери и на ворота въ заборѣ, давая ему такимъ образомъ знать, чтобы немедленно уходилъ, но нѣмецъ шепнулъ ему на ухо:

— Я ихъ не боюсь; они мнѣ ничего не могутъ сдѣлать, а съ ними легче доѣхать къ княжескому Столбу. Только я не возьму съ собою всего товара, чтобы напрасно не таскать тяжелыхъ мѣховъ.

Вишъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на Хенго.

— Отчего-же ты не хочешь уйти? Я не желаю, чтобы подъ моей кровлею съ тобою случилось несчастье.

Хенго улыбнулся.

— Да я ихъ не боюсь: они только пугаютъ,—объяснялъ онъ,—я съумѣю съ ними сладить... откупиться отъ нихъ не трудно... Не безпокойся, позволь только оставить у тебя одну изъ моихъ сумокъ.

Вишъ молча согласился на эту просьбу, а нѣмецъ сейчасъ-же

направился къ сараю, откуда, нѣсколько времени спустя, работникъ вынесъ большую суму и спряталъ ее въ избѣ. Хенго, поблагодаривъ хозяина, вернулся въ избу и сѣлъ на прежнемъ мѣстѣ у дверей. Никто не обратилъ вниманія на его отсутствіе.

Въ избѣ весело разговаривали и хохотали. Смерда, болтая со старухой, смѣялся во все горло, а слуги вторили ему усердно. Они продолжали пить и смѣяться до глубокой ночи; тогда одинъ изъ работниковъ принесъ лучины, воткнулъ ихъ между щелями и зажегъ: лучины освѣтили комнату. Замѣтивъ свѣтъ, Смерда оглядѣлся по сторонамъ, отыскивая глазами хозяина.

— Гдѣ-же хозяинъ?—крикнулъ онъ.

Видя стояща у порога; Яга толкнула его—старикъ неохотно вошелъ въ избу. Видно было, что пріѣзжіе пришли къ нему не по вкусу. Смерда подошелъ къ нему, сдѣлалъ ему знакъ рукою и они оба вмѣстѣ вышли изъ дверей во дворъ.

— Я пріѣхалъ къ тебѣ по приказанію князя; ѣду съ такимъ-же приказаніемъ и къ другимъ кметамъ и жупанамъ, — сказалъ Смерда:—князь посылаетъ вамъ привѣтъ.

Старикъ поклонился и провелъ рукою по волосамъ: онъ, видимо, не былъ доволенъ вниманіемъ князя.

— Привѣтъ — княжеская милость, — замѣтилъ онъ, — но, должно быть, дѣло не въ немъ. Когда князь привѣтствуетъ, это значитъ, что онъ чего-нибудь требуетъ; иначе онъ и не подумалъ-бы о существованіи кмета.

Серда моргалъ глазами, сдвигая брови.

— У насъ большой недостатокъ въ людяхъ, — сказалъ Смерда;— ты долженъ дать кого-нибудь изъ своихъ, чтобы пополнить княжескую дружину. Она вѣдь и тебя и твою землю обороняетъ.

— Что-же? Развѣ вы собираетесь воевать?

— Мы-то и не думаемъ, но въ городѣ надо всегда быть готовымъ на случай защиты, — объяснилъ Смерда. — Двое изъ нашихъ умерло отъ моровой язвы, одного звѣрь разорвалъ въ лѣсу; князь также убилъ одного... Намъ и нужны люди... У насъ въ городѣ отлично. Дружина голода не знаетъ; каждый ѣстъ вволю вмѣстѣ съ княжескими собаками и по цѣлымъ днямъ ничего не дѣлаетъ. Пива сколько угодно. Въ случаѣ войны каждому что-нибудь перепадетъ изъ добычи.

— Если онъ не попадетъ въ плѣнъ,—сказалъ Вишъ.

— Если не двоихъ, такъ ужъ одного придется тебѣ отдать,—заклучилъ Смерда.

— А если и одного не дамъ?

Смерда не ожидалъ такого вопроса: онъ задумался.

— Тогда я на веревкѣ поведу тебя къ князю,—сказалъ онъ рѣшительно.

— Хотя я свободный кметъ?—спросилъ Вишъ.

— А мнѣ какое дѣло! Князь велѣлъ.

— Да, да!—сказалъ Вишъ, хмурясь. — Новые обычаи, новые порядки завелись у насъ. Смотрите, какъ-бы васъ самихъ кметы не потащили на веревкахъ, когда имъ все это надоѣсть.

Смерда помолчалъ, потомъ сказалъ:

— Не сопротивляйся княжеской волѣ. Князь теперь злится, точно дикій звѣрь. Случается задремлетъ онъ и, вдругъ проснувшись, скрежещетъ зубами и точно волкъ завываетъ. Онъ грозитъ кметамъ. Двоихъ не надо; дай хотя одного парня и мѣхъ для меня, а то моя шуба вся истрепалась на службѣ.

Вишъ задумался и долго стоялъ на дворѣ, не отвѣчая Смердѣ. Наконецъ пригласилъ его войти въ избу. Старикъ сѣлъ на скамѣ; онъ держалъ палку обѣими руками, положивъ на нихъ голову и водилъ глазами по своимъ парнямъ, какъ-бы искалъ въ ихъ средѣ жертвы.

— Эй, Самборъ,—крикнулъ онъ наконецъ,—поди-ка сюда!

Самборъ стоялъ съ княжескими слугами и весело болталъ съ ними. На зовъ старика онъ выпрямился и подошелъ къ нему.

— Тебѣ, братъ, полевая работа не по вкусу; домашнія хлопоты ты тоже не особенно долюбиваешь,—сказалъ старикъ Самбору,—ты охотиѣ поешь, да безъ дѣла сидишь, чѣмъ работаешь... Ты какъ-разъ годишься для городской жизни; припоясать мечъ, да бѣлое перо заткнуть за шапку и выказывать свою красу передъ женщинами,—это какъ-разъ по тебѣ. Я и рѣшилъ, что ты охотно пойдешь служить князю.

Самборъ, лицо котораго недавно еще весело смѣялось, услышавъ обращенныя къ нему слова Виша, поблѣднѣлъ какъ холстъ. Безпокойнымъ взоромъ онъ окинулъ всѣхъ сидящихъ на скамѣ,

замѣтилъ, съ какимъ любопытствомъ Смерда слѣдилъ за каждымъ его движеніемъ, и упалъ на колѣни.

— Отецъ, господинъ мой, — вскричалъ онъ, — за что-же ты меня хочешь отдать въ плѣнъ, въ тяжелую неволю?

— Какая неволя? — замѣтилъ Смерда, — ты будешь воиномъ. У князя лучше, чѣмъ здѣсь, а если понравишься князю, кто знаетъ, что изъ тебя выйдетъ.

Вишъ гладилъ Самбора рукою по головѣ.

— Одинъ долженъ идти за всѣхъ, — сказалъ Вишъ, — твоя очередь, Самборъ.

Старуха Яга, стоявшая около Виша, заломила руки отъ отчаянія; хотя Самборъ не былъ ея сыномъ, но онъ воспитывался у нихъ, и они любили его, какъ родного сына...

Другіе парни, испуганные словами Виша, отошли въ сторону; веселый смѣхъ умолкъ. Смерда положилъ свою широкую руку на плечо Самбору, какъ бы желая взять его въ свою собственность.

— Ну, пойдешь съ нами, — сказалъ онъ.

Самборъ поднялъ глаза на Виша, не зная, что ему дѣлать, что отвѣчать Смердѣ. Вишъ посмотрѣлъ на него; глаза старика высказали ему что-то такое, что только они вдвоемъ поняли. Самборъ успокоился и всталъ: онъ молчалъ; онъ, видимо, былъ огорченъ своею судьбою, но не жаловался на нее.

Если-бы кто-нибудь вздумалъ вслушаться въ звуки, раздавашіеся внутри хижины, послѣ того, какъ Яга вышла изъ избы, — тотъ навѣрное догадался бы, что всѣ женщины оплакивали несчастнаго Самбора. Ни одна изъ нихъ, однако, не посмѣла рыдать вслухъ, чтобы чужіе не узнали женскихъ голосовъ и не догадались, что дѣвушки скрывались отъ нихъ. Яга подала ужинъ Смердѣ и прибывшимъ съ нимъ княжескимъ слугамъ, которые, осушивъ до дна всѣ кувшины съ пивомъ и медомъ, по приглашенію хозяина, отправились въ большой сарай, гдѣ уже было приготовлено сѣно для ночлега. Тутъ же стояли и лошади нѣмца. Хенго пользовался теперь полною свободою; объ немъ теперь и не думали. Несмотря на это, онъ не уходилъ: онъ ночевалъ вмѣстѣ съ Гердою при своихъ лошадяхъ.

Вишъ и Самборъ остались одни на дворѣ. Молодой человѣкъ хотѣлъ что-то сказать своему хозяину, но Вишъ далъ ему знакъ

рукою, чтобы онъ молчалъ и слѣдовалъ за нимъ. Они вышли черезъ ворота и остановились на берегу рѣки. Старикъ сѣлъ и долго думалъ о чемъ-то, не говоря ни слова. Мѣсяцъ отражалъ свой блѣдный образъ въ рѣкѣ. Соловьи пѣли.

— Не плачь, Самборъ, и не унывай,—началъ Вишъ,—никто не можетъ знать впередъ, какая участь назначена ему судьбою. Они захотѣли взять одного изъ васъ, но я и безъ этого намѣревался послать кого-нибудь, потому-что мнѣ и нашимъ необходимо.

— За что-же меня ты высылаешь изъ дому?—едва слышно спросилъ Самборъ.

— Потому, что ты умнѣ другихъ,—пояснилъ Вишъ,—потому что у тебя есть и языкъ, и глаза, ты любишь насъ больше другихъ, да и я полагаюсь на тебя и люблю тебя. Хотя ты мнѣ чужой, но я считаю тебя своимъ сыномъ. Я послалъ-бы одного изъ моихъ сыновей, но они оба земледѣльцы и работники, притомъ охотники и умѣютъ ходить за пчелами; а ты любишь пѣніе, но умѣешь думать...

Старикъ остановился, прислушиваясь къ вечерней пѣснѣ лѣсовъ и рѣки, а затѣмъ продолжалъ, понизивъ голосъ:

— Помни, Самборъ, я посылаю тебя не на гибель, а потому, что такъ необходимо. У насъ приготавливаются важныя дѣла, князь хочетъ водить насъ за носъ, сдѣлать насъ своими рабами и постричь насъ въ нѣмцы... Онъ въ постоянныхъ сношеніяхъ съ нѣмцами.. Все это становится намъ не въ-терпежъ. Мы ничего не знаемъ, что они тамъ дѣлаютъ, и можемъ внезапно превратиться въ рабовъ. Ты иди къ нимъ, смотри въ оба, слушай, внимай всему. Мы должны знать все, что у нихъ происходитъ. За этимъ-то я тебя и посылаю. Ротъ закрой, а глаза держи открытыми; кланяйся и прислуживай; а объ насъ никогда не забывай. Иногда придетъ кто-нибудь изъ нашихъ, ты ему и расскажешь объ всемъ, что услышишь и увидишь. Пора ужъ, пора; одно изъ двухъ: или Лешки насъ спугаютъ, или мы ихъ сотремъ съ лица земли. А пока... цыц!

Старикъ закрылъ ротъ пальцами. Самборъ подошелъ къ нему и обнялъ его колѣни.

— Ахъ!—сказалъ онъ,—тяжело оставлять васъ и идти къ чужимъ. Я надѣялся и жить, и умереть въ вашемъ домѣ...

— Не на вѣчныя-же времена идешь ты къ нимъ,—прервалъ его Вишъ.—Когда настанетъ удобное время, я извѣщу тебя и ты вернешься. Многому ты тамъ научишься, многое увидишь, узнаешь; они передъ тобою не будутъ скрываться. На Купалу, на Кольяду отпустить тебя домой, а до княжескаго Столба не очень далеко!

Вишъ провелъ рукою по волосамъ Самбора. Несмотря, однакожъ, на обѣщанія и утѣшенія старика, молодому парню казалось, что камень придавливаетъ его.

— Отецъ мой,—шепталъ онъ:—все, что прикажешь, я исполню. Но здѣсь у васъ я былъ на свободѣ, а тамъ ждутъ меня неволя и угрозы. Здѣсь передъ тобою мы твои дѣти, у нихъ — рабы. Горекъ хлѣбъ, который даютъ въ неволѣ.

Вишъ точно не хотѣлъ слушать этихъ жалобъ; онъ не отвѣтилъ на нихъ ни слова.

— Смотри и учись,—повторялъ онъ;—запомни все. Намъ готовятъ тамъ неволю; если теперь мы не подумаемъ о себѣ, послѣ намъ придется горько плакать. А кто изъ насъ знаетъ, что жарится и варится въ ихъ волчьей ямѣ? Ни одинъ кметъ не имѣетъ тамъ своего человѣка. Я и посылаю князю твои глаза вмѣсто своихъ. Князь—ужасный звѣрь, но онъ любитъ поклонны, ну и кланяйся, попадешь въ милость у него, а тогда передъ тобою уже не будутъ скрываться. Они съ пьяна—а пьютъ они много—выскажутъ все: пиво развязываетъ языкъ.

Старикъ говорилъ все тише, время отъ времени ударяя молодого человѣка по плечу. Самборъ стоялъ съ поникшею головою. Луна уже успѣла выплыть высоко на небѣ, когда они разошлись послѣ длиннаго разговора. Самборъ долго еще стоялъ на дворѣ. Собаки подошли къ нему, весело виляя хвостами. Онъ прислушивался къ пѣснѣ соловья, кваканью лягушекъ и шопоту луговъ, какъ-бы желая заучить каждый звукъ, каждый переливъ соловьиного голоса, которые не скоро надѣялся услышать.

Думы отгоняли сонъ отъ него—онъ сѣлъ на большой колодѣ и здѣсь, не сомкнувъ глазъ ни на минуту, просидѣлъ до слѣдующаго утра.

Въ избахъ начали суетиться женщины. Самборъ всталъ и

направился къ воротамъ, ведущимъ въ поле. Яга вышла ему навстрѣчу.

— Милый ты мой, голубчикъ мой, не бойся, не унывай—вернешься,—говорила Яга, хотя слезы лились у ней изъ глазъ.

Въ эту минуту въ полуоткрытыхъ дверяхъ избы показалась Дива. Она заплетала свои косы, глядя задумчиво куда-то вдаль. Увидѣвъ Самбора, Дива улыбнулась.

— Что съ тобою, Самборъ? Почему ты такой печальный?—спросила она спокойнымъ, но какимъ-то пѣвучимъ, протяжнымъ голосомъ.—Что съ тобою? Не стыдно-ли тебѣ имѣть страхъ въ сердцѣ, а слезы на глазахъ? Не каждому суждено сидѣть въ избѣ и отдыхать; разное бываетъ, судьба не одна для всѣхъ. Нечего плакаться на свою судьбу! Я иногда вижу далеко, далеко... иногда и предскажу, что будетъ завтра... Тебѣ тамъ ничего не сдѣлаютъ, вѣрь мнѣ.

— Жаль мнѣ бросать васъ,—сказалъ Самборъ:—скучно тамъ будетъ.

— И мы о тебѣ будемъ скучать,—проговорила Яга.

— И мы о тебѣ,—повторила Дива.—Но ты скоро вернешься.

— Когда?—спросилъ Самборъ.

Дива опустила руки, глаза вперила въ землю; она имѣла теперь торжественный видъ и начала говорить, не подымая глазъ на Самбора:

— Вернешься, вернешься, когда надъ Гопломъ покажется зарево, трупы поплывутъ по озеру. Князь оставитъ старый лѣсъ, наступитъ новое управленіе. Когда вѣтеръ разнесетъ пепелъ; когда вороны насытятся; когда всѣ пчелы соберутся; когда новый срубъ поставятъ на Ледницѣ, на озерѣ, ты вернешься цѣлъ и невредимъ со свѣтлымъ мечомъ, съ свѣтлымъ челомъ.

Дива за каждымъ словомъ понижала голосъ, наконецъ совсѣмъ замолкла. Она подняла глаза на Самбора и обѣими руками послала ему прощальный привѣтъ. Дива улыбалась свѣтлою, полною надежды улыбкою. Вдругъ, какъ-бы опомнившись, она вбѣжала въ избу, затворяя за собою двери.

IV.

Постоянные жители и пришлые, ночевавшіе въ жилищѣ Виша, очень рано утромъ пробудились отъ сна; въ избахъ и сараяхъ началось движеніе. Парни выгоняли скотъ, женщины отправились за водою. Смерда и его слуги тоже проснулись. Хенго отправилъ своего сына съ лошадьми къ рѣкѣ; служанки разводили огонь, Вишъ, накинувъ на плечи сермягу, вышелъ во дворъ посмотрѣть, что общалъ начинающійся день: хорошую погоду или ненастье.

Небо было покрыто сѣрымъ покровомъ, который только на востокѣ краснѣлъ и разгорался; хотя вѣтру на землѣ не было, но облака высоко клубились, вспучивались и, точно желая обогнать другъ друга, неслись куда-то на западъ. Надъ болотами недвижно висѣлъ въ воздухѣ густой туманъ, подобный спустившемуся облаку. Капли росы, точно прозрачныя слезинки, свѣтились на травѣ и листьяхъ. Въ сараѣ блеяли овцы, на лугу ржали лошади, рѣка журчала, протекая по камнямъ, а соловей все еще пѣлъ свою пѣсню, не устывая ни на минуту. Два ворона прилетѣли съ запада, покружились надъ избою Виша и лѣниво полетѣли дальше... Старикъ посмотрѣлъ на нихъ и печально кивнулъ головою.

Служанки принесли изъ сарая парное молоко въ большомъ горшкѣ и поставили его на столъ, на которомъ Яга уже приготовила пиво и медъ. Тутъ-же былъ и хлѣбъ, и лепешки для гостей, которые не должны были выѣхать изъ дома, не подкрѣпивъ силъ своихъ на дорогу. На скамьѣ Вишъ разложилъ медвѣжью шкуру. Онъ, конечно, охотнѣе оставилъ-бы ее у себя, но нельзя было отказать Смердѣ, который всегда могъ жаловаться князю на Виша и его семью.

Самборъ приготовилъ свой узелокъ, натянулъ на ноги кожаные сапоги и крѣпко завязалъ ихъ. Пращу и лукъ онъ заложилъ себѣ за плечи, воткнулъ топоръ за поясъ и былъ готовъ отправиться въ путь. Не весело было у него на душѣ. Онъ старался утѣшить себя надеждою, что, скитаясь по бѣлу свѣту, увидитъ и услышитъ въ одинъ день болѣе, чѣмъ дома во всю жизнь. А все-таки ему жаль было бросать своихъ и онъ не могъ

отвести глазъ отъ хижины Виша, сараевъ, избъ сыновей старика но кромѣ старой Яги, вынесшей ему калачъ на дорогу, Самборъ больше никого не увидѣлъ изъ женщинъ. Только парни прощались съ нимъ.

Смерда со своими людьми, Хенго и старый Вишъ собрались около огня. Всѣ торопились ѣхать, такъ-какъ были увѣрены, что пойдетъ дождь... Грозныя тучи дѣйствительно угрожали цѣлыми потоками воды. Только одинъ Вишъ твердо держался убѣжденія, что небо прояснится.

Нѣмецъ нисколько не былъ озабоченъ тѣмъ, что Смерда захватилъ его и везетъ съ собою въ княжескій градъ. Онъ собирался спокойно, точно по доброй волѣ, хотя глаза княжеской челяди съ жадностью осматривали его сумы, желая угадать, что въ нихъ содержится. Герда-же не выговорилъ еще ни одного слова, на лицѣ его былъ написанъ испугъ. Всѣ надъ нимъ смѣялись, указывая на него пальцами: „Нѣмой!“

Наѣвшись и напившись до сыта, всѣ отправились къ лошадямъ. Самборъ упалъ на колѣни передъ старикомъ, но Вишъ не сказалъ ему ни слова. Лошади у Самбора не было, а потому онъ долженъ былъ отправиться въ путь пѣшкомъ.

Смерда ѣхалъ впереди, за нимъ его четыре спутника, рядомъ съ ними шель новобранецъ съ опущенною на грудь головою, а за ними Хенго съ Гердою. Въ такомъ порядкѣ, простившись съ хозяиномъ, Смерда со своимъ отрядомъ выѣхалъ за ворота и пустился въ путь по берегу рѣки. Нѣсколько времени спустя они исчезли въ зелени прибрежныхъ кустовъ. Самборъ оглянулся, но изъ всего, что было ему дорого, увидѣлъ только синій столбъ дыма, поднимавшійся къ небу надъ роднымъ селеніемъ.

Какъ предсказалъ Вишъ, такъ и случилось: мелкій дождикъ прошелъ скоро, въ воздухѣ разлился запахъ березы, ясное небо выглянуло изъ-за тучъ, разбѣжавшихся во всѣ стороны. Путешественники молча подвигались впередъ. Лошади, несмотря на то, что не было видно никакихъ слѣдовъ, сами прокладывали себѣ дорогу.

Смерда дремалъ на лошади, дремали и его товарищи, только Хенго и Самборъ не спали. По правой сторонѣ возвышался угрюмый, черный лѣсъ, съ лѣвой протекла рѣка, изрѣдка только

ручей выплывалъ изъ лѣсу и торопился соединиться съ рѣкою. Добрую четверть дня проѣхали наши путешественники, а окрестность не измѣнялась: все тотъ-же лѣсъ съ одной, рѣка съ другой стороны... Наконецъ около полудня они увидѣли на небольшомъ холмикѣ громадный камень, окруженный множествомъ меньшихъ, разставленныхъ точно войны на часахъ. Нѣкоторые изъ камней совсѣмъ углубились въ землю, другіе одѣлись сѣрымъ мхомъ... Старый, сторбленный человѣкъ, съ бѣлою палкой въ рукахъ ходилъ около камня. Мѣсто это когда-то было священнымъ: здѣсь приносили жертвы богамъ. Старикъ остановился у большого камня, протянулъ надъ нимъ обѣ руки, пробормоталъ что-то и бросилъ какіе-то листья. Немного дальше, у самаго берега рѣки, былъ насыпанъ курганъ, весь заросшій травою, а внизу покрытый толстымъ слоемъ сухихъ и зеленыхъ еще вѣтвей. Каждый изъ всадниковъ сорвалъ вѣтвь и бросилъ на него, Самборъ сдѣлалъ тоже. Одинъ Хенго, хотя съ любопытствомъ посмотрѣлъ на могилу, воздержался отъ принесенія жертвы.

— Что это такое?—спросилъ Хенго.

— Это Лешкова могила,—отвѣчалъ Самборъ.—Здѣсь старый князь, защищая нашу землю отъ врага, былъ убитъ стрѣлою. Тогда наши воины бросились на непріятеля и разбили его на голову. Затѣмъ, бросая каждый по горсти земли, насыпали своему князю вотъ этотъ курганъ. Говорятъ, въ немъ хранятся большія сокровища, но ихъ стерегутъ духи. Только одинъ разъ въ годъ, на Купалу, курганъ открывается и каждый, кто желаетъ, можетъ входить въ него за сокровищами и брать ихъ сколько хочетъ; но надо торопиться, потому-что когда пропоетъ пѣтухъ, онъ закрывается. Не одинъ смѣльчакъ уже остался въ немъ.

Самборъ радъ былъ чѣмъ-нибудь занять свои мысли, которыя точно громовыя тучи носились въ бѣдной головѣ его, наполняя душу нестерпимою тоскою. Онъ рассказалъ Хенго, какъ однажды какой-то парень, изъ жаждущихъ пріобрѣсти легкимъ трудомъ сокровища, отправился въ купалову ночь въ курганъ, какія видѣлъ онъ тамъ громадныя зданія, избы, наполненныя золотомъ, какъ онъ шелъ все дальше и дальше, не будучи въ состояніи остановиться отъ удивленія. Такимъ образомъ, жадный парень такъ далеко забрелъ, что когда пѣтухъ крикнулъ первый разъ и курганъ

закрылся, онъ изъ него не могъ уже выйти. Цѣлый годъ онъ пробылъ тамъ. На слѣдующій годъ, когда курганъ открылся, онъ вышелъ изъ него живъ и здоровъ, но нѣмой, потому что духи закрыли ему ротъ навсегда, чтобы онъ не рассказалъ всего, что видѣлъ.

Теперь наши путешественники проѣзжали по мѣстности болѣе населенной: по обѣимъ сторонамъ въ зеленыхъ рощахъ видны были хижины, изъ которыхъ выходили струи дыма и кружились подъ деревьями. На берегу рѣки во многихъ мѣстахъ виднѣлись остатки костровъ и слѣды лошадиныхъ копытъ. Мѣстами валялись бѣлыя кости. Въ полдень путники остановились въ зеленой дубравѣ, гдѣ было много травы для лошадей и вода близко—отличное мѣсто для отдыха. Соскочивъ съ лошади, Смерда объявилъ, что здѣсь онъ намѣренъ отдыхать. Изнуренные всадники сѣли въ тѣни на травѣ и каждый вынималъ изъ сумы, чѣмъ запасаея на дорогу. Самборъ вынулъ бѣлый калачъ, данный ему Ягою, осмотрѣлъ его и снова спряталъ въ сумку—онъ скорѣе готовъ былъ вытерпѣть голодъ, чѣмъ лишиться этого калача: это былъ свой, домашній, калачъ!

Солнце не уставало ни на минуту бросать цѣлые снопы лучей; стояла изнуряющая жара; ни малѣйшаго вѣтерка, который могъ-бы ослабить дѣйствіе жары. Кругомъ—куда ни глянь—лѣсъ, болото, заросшее камышомъ, и снова густой, непроходимый лѣсъ. Рѣдко, рѣдко гдѣ попадалось маленькое озеро, точно любопытный глазъ, озирающій окружающіе лѣса. Камышъ точно рѣсницы окружалъ этотъ глазъ природы, лѣсъ точно брови длинною лентою обхватывалъ его. Всѣ птицы притихли, одни кузнечики да шмели шевелились въ травѣ; воздухъ располагалъ ко сну. Смерда дремалъ; Хенго смотрѣлъ волкомъ и, казалось, занятъ былъ какими-то разсчетами; Самборъ, давъ полную свободу своимъ думамъ, забылъ обо всемъ окружающемъ... Вдали послышался человѣческій голосъ. Самборъ началъ искать глазами того, кто нарушилъ этотъ сонъ природы и людей. Кромѣ зелени ничего не было видно вокругъ. До Самбора однакожъ долетали звуки какой-то печальной пѣсни. Съ каждою минутою они становились громче.

Всѣ съ любопытствомъ начали высматривать пѣвца. Голосъ раздавался какъ-будто-бы изъ самой рѣки. По берегу шелъ слѣпой

старикъ; мальчикъ велъ его за руку. Старикъ шелъ тихо; въ рукахъ у него были гусли. Пѣвецъ дрожащими пальцами игралъ на нихъ и тихо пѣлъ какую-то заунывную пѣсню. Смерда, проснувшись, увидѣлъ старика и призвалъ его къ себѣ.

— Эй, старикъ, иди-ка къ намъ,—крикнулъ онъ.

Гусляръ остановился, поднялъ голову и бѣлыми глазами, окруженными красными каймами, старался угадать, кто его призываетъ.

— Приди сюда, старикъ, отдохнешь,—повторилъ Смерда.— Поѣдемъ вмѣстѣ, а потомъ послушаемъ твоей пѣсни.

Пѣвецъ ударилъ пальцами объ струны, но пѣть пересталъ. Онъ долго думалъ, наклонивъ голову, наконецъ далъ знакъ рукою мальчику, чтобы тотъ велъ его на гору и они приблизились къ отдыхающимъ.

— Куда идешь?—спросилъ Смерда.

— А развѣ я знаю? По бѣлу свѣту, все впередъ,—отвѣчалъ старикъ,—съ пѣснями отъ одной хижины къ другой.

Отвѣчая Смердѣ, гусляръ сѣлъ на землю. Онъ положилъ гусли на колѣни и замечтался. Старикъ молчалъ. Вдругъ, какъ будто-бы пѣсня была его собственною жизнью, онъ тихо, едва слышно, началъ пѣть про-себя.

Всѣ молчали. Одинъ изъ парней вынулъ изъ сумки лепешку и положилъ ее на руки пѣвцу. Старикъ началъ грызть сухую лепешку. Провожавшій мальчикъ отправился къ рѣкѣ за водою. Самборъ сѣлъ рядомъ съ пѣвцомъ.

— Старый Слованъ,—обратился онъ къ старику,—ночевать зайди въ Вишеву хижину: тамъ тебѣ будутъ рады.

— На ночь? Въ Вишеву хижину? Не на моихъ ногахъ,—отвѣчалъ слѣпой старикъ:—ноги мои стары и изношены. Тихо теперь хожу, какъ улитка передвигаюсь. Пройду немного, а ноги требуютъ присѣсть. Къ Вишу, къ старому, далеко, очень далеко...

— Но все-таки зайди къ нему,—говорилъ Самборъ,—а когда остановишься у воротъ, передай имъ всѣмъ поклонъ того, который сегодня простился съ ними.

— Ты изъ Вишевой хижины?—спросилъ старикъ;—а кто съ тобою; сколько ихъ? Я знаю тутъ сидятъ люди; хотя глаза не видятъ, все-таки знаю.

— Княжескіе слуги,—отвѣчалъ Смерда,—ѣдемъ въ городъ, къ княжему Столбу. Вотъ и онъ съ нами. А ты былъ въ городѣ?

— Прежде хаживалъ,—сказалъ старикъ,—а теперь незачѣмъ туда ходить. Тамъ теперь поютъ мечи, играетъ желѣзо. Имъ не до пѣсенъ теперь, да и некогда имъ слушать старика.

Старикъ тяжело вздохнулъ.

— А зачѣмъ князю пѣсни?—смѣялся Смерда.—Это бабье дѣло!

— А война... война, какъ-бы про себя замѣтилъ Слованъ,— война дѣло дикихъ звѣрей. Пока чужой духъ не поселился среди полянъ, отцы ихъ пахали и пѣли и мирно хвалили своихъ боговъ, оружія не знали, развѣ что на звѣрей...

Смерда захохоталъ.

— Э-э,—замѣтилъ онъ,—прошли ужъ тѣ времена, другія настали!

— Не тѣ святія времена, какія были прежде,—сказалъ Слованъ,—не тѣ времена, когда гуслей у насъ было больше, чѣмъ желѣза, а пѣсней больше, чѣмъ слезъ. Нынче слѣпой гусляръ поетъ лѣсамъ и лугамъ, никто его не слушаетъ. Пусть знаютъ лѣса, какъ живали тѣ, которые лежатъ ужъ въ могилахъ... А когда умрутъ послѣдніе старики, они пѣсню возьмутъ съ собою въ могилу; сыновья не будутъ знать, какъ жили ихъ отцы, замолкнутъ могилы. Старый міръ погрузится во тьму.

Гусляръ говорилъ медленно и тихо, пѣвучимъ голосомъ; онъ и не замѣтилъ, какъ началъ пѣть. Старикъ бросилъ хлѣбъ, и пальцы его забѣгали по струнамъ; струны жаловались и плакали.

— Я, быть можетъ, послѣдній пѣвецъ, — продолжалъ Слованъ; — для того у меня пропали глаза, когда я былъ молодъ, чтобы душа смотрѣла въ другой, лучшій міръ. Я прошелъ всѣ земли и ни одной не видѣлъ, отъ гудящаго Дуная до Бѣлаго моря, отъ вершинъ Хорватскихъ горъ до лѣсовъ на Лабѣ. Не глаза, ноги носили меня по дорогамъ; я былъ вездѣ, гдѣ собиралась кучка людей, куда вела моя долюшка. Я всегда сидѣлъ на землѣ, а вокругъ меня становились люди, женщины били въ ладоши, старики плакали, слыша про своихъ отцовъ. Я ходилъ изъ одного урочища къ другому, отъ одной могилы къ другой, отъ одного источника къ такому-же другому, далеко, далеко до тѣхъ мѣстъ, гдѣ кончается человѣческая рѣчь.

Старикъ умолкъ. Смерда, слушая и дремля наполовину, когда старикъ пересталъ пѣть, сказалъ:

— Ну, пой дальше, пѣвецъ.

— О чемъ-же вамъ пѣть?—какъ-бы про себя говорилъ Слованъ.—Вамъ не моя нужна, а другая пѣснь, старой пѣсни вамъ не понять. О чемъ же пѣть? О прадѣдахъ, что на Дунаѣ жили, о тѣхъ-ли, которые съ востока пришли, о братьяхъ, живущихъ по Лабѣ и Днѣпрѣ? Вы ихъ не знаете; о бѣлыхъ и черныхъ богахъ, о Вишну и Самовилѣ?

Старикъ пѣлъ все тише, голова его опускалась все ниже.

— Прежде иначе бывало, иначе люди жили! Пѣвца встрѣчали всѣ, и младъ и старъ, старшіе вели его подъ тѣнь священнаго дуба, или на берегъ священнаго ручья, на вѣчное городище, да на могилы предковъ. Старики и молодые окружали его большимъ кругомъ, слушали; медъ и пиво ставили передъ слѣпцомъ, вѣнки клали на его голову. Въ городѣ князь сажалъ его на покрытой скамьѣ, на почетномъ мѣстѣ; а нынѣ поешь пастухамъ въ полѣ, голодъ да вода въ награду!

— Пой, старикъ, пой еще,—говорилъ Смерда.

— Пой еще!—повторяли за нимъ другіе.

Слованъ ударилъ по струнамъ.

— Эй, ей!—послушайте старой пѣсни изъ страны, гдѣ Дунай течетъ!

Кругомъ воцарилась тишина, и старикъ запѣлъ слабымъ, дрожащимъ голосомъ:

— Изъ-за семи рѣкъ, изъ-за семи горъ летитъ къ вамъ эта пѣснь; родилась она на берегахъ Дуная. Дунайскій король дрожитъ, боится; съ тысячнымъ народомъ Читай идетъ. Дома земли ему мало; пашни деревнѣ не хватаетъ, скотинѣ корму, и молится онъ богу Вишну: народъ гибнетъ, дай мнѣ земли, больше земли. Богъ сжалился надъ народомъ, и сказалъ: „Иди туда за Дунай съ народомъ, тамъ есть пустыни, пустыни широкія. А ты, король на Дунаѣ, не смѣй ему сопротивляться!“ И король ломаетъ руки въ отчаяніи! Читай займетъ мою землю, Читай землю мою завоюетъ! Миромъ или войною встрѣтитъ его, дать-ли ему сильный отпоръ? Призываетъ онъ молодую дѣвку: дѣвка, дѣвка, дай мнѣ совѣтъ... Камяна и совѣтуетъ: король, поставь войско на Дунаѣ. Онъ не сможетъ поко-

рить твоего народа. Идетъ Читай, толпа за нимъ; а гдѣ пройдетъ — въ плѣну народъ; онъ велитъ ему идти впередъ, ведетъ его, съ собой ведетъ. Дѣвки плачутъ и охаютъ, а онъ имъ говорить: оботрите свои слезы, веду васъ въ зеленныя страны, гдѣ живутъ дикіе люди, пахать пашни не умѣютъ. Будемъ ихъ учить и княжить надъ ними. Дѣвки осушили слезы; идутъ за Читаемъ... Бѣлый Дунай стоитъ на пути... вода въ немъ точно стѣна вспучилась, горою стоитъ... Лѣдины на немъ растаяли... Король Дуная стоитъ на берегу... войско сторожитъ берега. Войско большое — какъ-же тутъ быть? Какъ перейти бѣлыя воды, какъ поборотъ силу войска? Думалъ Читай, долго думалъ... Вдругъ закричалъ онъ народу: На колѣни, молитесь! Молитесь богу Колядѣ, Самовилѣ, что вѣтрами управляетъ. Пусть подуетъ всею силой, пусть ледъ станетъ на Дунаѣ. Тогда пройдемъ сухой стопою. Пали ницъ передъ Колядой и молятся Самовилѣ. Пришли вѣтры, льдомъ покрыли Дунай, широкую рѣку, идутъ войска по Дунаю. Король послушался совѣта, совѣта дѣвки Камяны. Собралъ войско, стоитъ въ полѣ и обозомъ у Дуная. Самовила дуетъ вѣтромъ, морозомъ несетъ на Дунай, а жаромъ бросаетъ на войско. Прошли черезъ Дунай; а то мѣсто, гдѣ стояло войско, отъ костей все побѣлѣло... Камяна глядитъ и плачетъ... Читай занимаетъ поле, идутъ плуги по всей землѣ, скотъ реветъ, дома строятъ, людей учатъ сѣять зерна. О, Камяна, ничтоженъ твой совѣтъ! Быть волѣ боговъ, не твоей! И Камяна, вся блѣдная, бросилась въ бѣлый Дунай! Объ этомъ людямъ пѣсня поется. Да дастъ вамъ богъ здоровья, а пѣсня при мнѣ останется.

Пѣвецъ кончилъ... Всѣ молчали.

— Еще другую, спой намъ еще, — просилъ Смерда, — не жалѣй своихъ пѣсень, старикъ!

Слѣпецъ снова ударилъ по струнамъ.

— Эта пѣсня будетъ длиннѣе, она родилась у Хорватскихъ горъ, — сказалъ онъ, — она моложе той, да и понравится вамъ больше.

Струны забренчали на другой ладъ, болѣе веселый, и слова пѣсни лились рѣзвѣе, а глаза старика блестя, какъ молнія.

„Висла, рѣка свѣтлая, отъ чего воды твои помутились? А какъ-же имъ не мутиться, если въ нихъ все падаютъ слезы?

Народъ на берегу горюетъ, плачетъ и зоветъ на помощь, а помощи нѣтъ, какъ нѣтъ... Драконъ засѣлъ подъ горою въ пещерѣ; что завидитъ—все пожираетъ, что словитъ—все глотаетъ. Когда онъ съ голода бѣсится и реветъ—гора дрожитъ отъ этого рева. Когда онъ сытъ и отдыхаетъ, воздухъ гнилью заражаетъ... И день, и ночь не даетъ покоя, поля опустѣли, народъ убѣгаетъ, звѣри прячутся по лѣсамъ. Скотину онъ истребилъ, сколько людей проглотилъ, а все ему еще мало, все реветъ онъ, все трясетъ горою... А чѣмъ его уничтожить, чѣмъ убить змѣя-дракона? Мечъ не пробьетъ его кожи, палка не расколеть черепа, руки не задушатъ его; громъ его не убиваетъ, въ водѣ онъ не утонетъ, а земля не накроетъ лютаго звѣря. Кракъ во градѣ сидитъ печально, думаетъ, бороду щиплетъ, опустилъ головушку на руки и смотритъ въ землю. Что мнѣ дѣлать съ этимъ звѣремъ, какъ уничтожить это чудовище? Семь разъ мѣсяць ужъ выросталъ, семь разъ ужъ онъ растаивалъ; Кракъ велитъ призвать Скубу. Скуба, сказалъ онъ, сдѣлай, что я тебѣ прикажу: убей вола, овцу убей, а внутренности брось въ воду, возьми смолы горячей, сѣры возьми горячей, да углей возьми раскаленныхъ. Наполни вола и овцу смолою, сѣрой и углемъ, подбрось ихъ подъ змѣиную пещеру, когда драконъ зареветъ съ голоду. Пусть онъ пожретъ этотъ огонь, пусть огонь зажжетъ въ немъ нутро, пусть лопнетъ дикій звѣрь. Скуба ушелъ и сдѣлалъ такъ, какъ велѣлъ ему умный Кракъ. Убилъ вола, убилъ овцу, наполнилъ ихъ углемъ, смолой, много сѣры положилъ и подбросилъ подъ пещеру. Когда драконъ началъ реветъ, и пасть свою, пасть голодную, открылъ, тогда Скуба бросилъ ему вола и овцу... Вотъ тебѣ кормъ, змѣй-драконъ. Страшная пасть проглотила, заревѣла. Дрожитъ гора, дрожитъ городъ... и всѣ столбы задрожали... Въ драконѣ горитъ внутренность... огонь пожираетъ змѣя. Выходитъ змѣй изъ пещеры, бѣжитъ къ Вислѣ, пьетъ воду... Пьетъ, пьетъ ее, животъ его растеть, растеть... Змѣй ревелъ, ревелъ ужасно и, ревя, лопнулъ и здохнулъ... Кракъ идетъ съ мечомъ изъ града, змѣю голову отрубилъ, кладетъ ее на палку и поднимаетъ высоко. Смотри-же, народъ мой милый, твои муки кончились. Птицы разносятъ веселую вѣсть, вѣтры бѣгутъ съ нею по полямъ... Пусть пахарь съ плугомъ выходитъ, пусть пастухъ выгоняетъ скотъ, пусть играютъ дѣти въ

полѣ—нѣтъ уже змѣя, нѣтъ его. Надъ змѣиною пещерой вырастаетъ градъ каменный, въ немъ Кракъ царствуетъ спокойно; на всѣ четыре стороны онъ завоевалъ народы. А борода у него растетъ, борода сѣдая, и грудь ему закрываетъ и до колѣнъ доходить. А когда она дойдетъ до земли. Кракъ знаетъ, что наступить пора ему умереть. Ни печаль, ни веселье Краку отъ этого знанія; у него есть ужъ два сына и дочь есть—дочка Ванда. Борода доросла до самой земли. „Вотъ насталь урочный мой часъ; дѣлите царство на двое. Сестрѣ дайте царское вѣно и живите мирно, дружно. Плачь, народъ, о своемъ царѣ“. Народъ плакалъ, и понесъ тѣло царя на гору, на Лясоту; посадилъ его на кострѣ, тризну справляетъ. Собрали остатки Крака, каждый взялъ часть земли, шли они и сыпали землю до тѣхъ поръ, пока выросъ высокій курганъ.

„Братья дѣлятъ землю отца, и царствуютъ оба: Кракъ и Лехъ. Кракъ владѣетъ половиною и половина у Леха. Лехъ съ боязнью смотрѣлъ на брата—„старшій уничтожить меня“. „Ѣдемъ, братъ, вмѣстѣ въ лѣсъ на охоту, на дикаго звѣря поѣдемъ вмѣстѣ... тамъ олени и медвѣди“. На лошадь сѣли братья; сестра на стѣнѣ городской стоитъ и умоляетъ: „не ходите въ лѣсъ сегодня—вороны зловѣще каркали и я видѣла во снѣ страшныя дѣла... Возьмите челядь съ собою,—звѣри дики, а лѣсъ тѣмень“. А Кракъ смѣялся ей въ отвѣтъ: „звѣрь и лѣсъ не страшны намъ“. Въѣхали они въ темный лѣсъ; младшій старшему сказалъ: „здѣсь тебѣ, братъ, умирать,—я одинъ хочу царемъ быть“. Лехъ сказалъ это и бросилъ тяжелый молотъ въ голову Крака; кровь красная потекла, и Кракъ упалъ на земь. „Что мнѣ дѣлать съ тѣломъ брата? Изъ земли волки выроютъ, а трупъ распознаютъ люди“... Мечомъ рубить Лехъ брата, рубить на мелкія части и кладетъ ихъ у дороги... Насыпалъ бѣлый песокъ, ногами притопталъ землю. Мѣсяцъ и звѣзды глядѣли, только темный лѣсъ ихъ видѣлъ; мѣсяцъ и звѣзды молчали, а лѣсныхъ голосовъ никто не слышалъ.

„Возвратился Лехъ въ свой городъ; и плачетъ онъ, и рыдаетъ, разорвалъ свою одежду, руки ломаетъ. „Ахъ, бѣда, бѣда большая: дикій звѣрь загрызъ брата, убилъ брата въ темномъ лѣсу. А вотъ кровь на моей одеждѣ, защищалъ я его, но не могъ спасти“. Лехъ овладѣлъ всей землею и княжить теперь одинъ не-

раздѣльно. У дороги, гдѣ тѣло бѣлымъ пескомъ засыпано, выросли бѣлыя лиліи, цвѣтутъ и вѣтрамъ рассказываютъ: „Здѣсь могила Крака, рука брата его убила“. Люди, идущіе дорогою, слышатъ странный голосъ въ лѣсу: вѣтеръ вырылъ тѣло Крака. Несутъ тѣло люди во градъ. Старшіе идутъ къ Леху: „пускай тотъ, кто убилъ брата, идетъ, куда глаза глядятъ, на край свѣта“. Ванда осталась одна, она обѣщала богамъ служить имъ всю жизнь свою. Пусть она будетъ царицею. „Какъ-же мнѣ быть вамъ царицею, когда я богамъ пожертвовала собою, я богамъ обѣщала, что мужа у меня не будетъ?.. „Ванда царица моря, Ванда царица земли, Ванда царица воздуха“, поетъ народъ и говоритъ: „Дочь Крака наша царица!“

„На границѣ, на рубежѣ сидитъ нѣмецъ, какъ лисица въ ямѣ... Вѣсть прибѣжала къ нему: дѣвка царитъ въ ляшскомъ градѣ; вѣнецъ у нея не корона, не мечъ у нея въ рукѣ, а пряжа, мужа не хочетъ, властелина знать не знаетъ! Ритгаръ собираетъ воиновъ; стоитъ онъ на краю земли, гдѣ царитъ дѣвица. Войною идетъ на безоружныхъ. Ритгаръ выслалъ своихъ пословъ: „хочу быть твоимъ мужемъ, Ванда, или пройду твои земли огнемъ и мечомъ; все сгоритъ, все погибнетъ“. По полямъ ужъ идетъ войско. блещитъ лѣсъ мечей, свѣтятъ щиты. Пришли послы, Ванда и говоритъ имъ: „я отдалась въ жертву богамъ, не будетъ у меня мужа. Хотите сражаться? Я выставлю войско, пусть кровавый бой рѣшитъ насъ“. Ушли послы, идутъ войска: всѣ горы, поля заняли. Ванда съ мечомъ въ рукѣ, съ вѣнцомъ на головѣ, ѣдетъ во главѣ, свѣтитъ лицомъ. Смотри-жъ нѣмецъ, считай свои силы. Ритгаръ смотритъ: войско его разбѣжалось въ лѣсъ, въ горы, одинъ Ритгаръ остался. Клянеть онъ судьбу и боговъ, вынимаетъ мечъ изъ ноженъ и пронзилъ свою грудь. „Царствуй, Ванда, будь счастлива...“ Возвращается царица и во градъ свой народъ созываетъ. Вышла съ вѣнкомъ на головѣ, въ бѣлой одеждѣ, бѣлый цвѣтокъ держать въ рукѣ. „Здоровья вамъ и всѣхъ благъ вамъ, народъ мой, честные отцы. Пришелъ мой часъ, я жизнь свою сразу богамъ хочу отдать—лучше чѣмъ изъ-за меня должны гибнуть тѣ, которые землю хотятъ взять у васъ, чтобы царить въ ней. Ведите меня къ берегу Вислы, къ самой глуби“. И бросилась Ванда въ Вислу... Народъ плачетъ: нѣтъ царицы; соби-

рается онъ у тѣла и носить землю на могилу, и объ ней пѣсни поеть. Да дасть вамъ богъ здоровье, а пѣсня при мнѣ остается.

Хенго слушалъ внимательно. Когда старикъ пѣлъ о Ритгарѣ, Хенго началъ такъ сильно дышать и сопѣть, что Слованъ это замѣтилъ. Едва окончивъ пѣсню, онъ привсталъ.

— Что-же, старикъ, уходишь?—спросилъ Смерда.

— Здѣсь чужой,—отвѣчалъ Слованъ дрожащимъ голосомъ, — я пѣлъ чужому... я медъ лилъ въ грязную лужу!..

Онъ, ворча, поднялся и, палкою указывая дорогу своему провожатому, не прощаясь ни съ кѣмъ, ушелъ отъ того мѣста, гдѣ сидѣлъ Хенго. Никто не посмѣлъ задерживать пѣвца. Онъ нѣсколько разъ обернулся въ сторону Хенго и поспѣшно удалился, прижимая рукою струны, чтобъ онѣ не издали звука, и крѣпко стиснувъ губы, чтобъ уста его не издали звука.

V.

Смерда и его товарищи сейчасъ-же бросились къ лошадямъ—давно ужъ было пора отправляться въ путь. Сейчасъ-же пришлось имъ перейти въ бродъ рѣку. Самборъ сѣлъ на одну лошадь съ Гердою. На противоположномъ берегу виднѣлось небольшое поле, застѣянное хлѣбомъ и обнесенное заборчикомъ, но медвѣди ночью хозяйничали въ немъ и оставили свои слѣды. Лѣсъ былъ жиденькій, обгорѣлые пни виднѣлись въ разныхъ мѣстахъ. У самой опушки вооруженный человекъ присматривалъ за лошадями, бѣгающими по полю; за кушакомъ у него воткнутъ былъ рогъ, а въ рукѣ онъ держакъ насѣченную камнями палку. Всадникамъ снова пришлось переѣхать черезъ небольшой лѣсъ, и только теперь Смерда вздохнулъ свободно; сейчасъ у лѣса начиналась большая поляна, а за нею виднѣлись воды громаднаго озера, въ которомъ, точно въ зеркалѣ, отражалось заходящее солнце. Надъ озеромъ птицы летали цѣлыми стаями, у береговъ стояли большія лодки; нѣсколько лодокъ плыли по озеру. Хенго и Самборъ, поднявъ глаза, увидѣли вдали высокую, сѣроватую башню: городской столбъ, высоко подымающій свою голову. Онъ стоялъ у самаго

берега, мрачный и угрюмый, а у его подножія тѣснились срубы, хижины, сараи и много другихъ построекъ.

— Вотъ княжіи городъ! — воскликнулъ Смерда съ гордостью, обращаясь къ нѣмцу и указывая ему столбъ вдали. — Успѣемъ пріѣхать, пока еще не лягутъ спать.

Товарищи Смерды весело кивнули головой. Самборъ угрюмо смотрѣлъ впередъ. Всадники прибавили шагъ. Самборъ принужденъ былъ бѣжать, не желая отстать отъ нихъ. Нѣмецъ изъ-подлобья оглядывался по сторонамъ. По мѣрѣ того, какъ всадники приближались къ озеру, очертанія города становились яснѣе. Башня изъ сѣраго камня выростала почти на ихъ глазахъ; у ея подножія теперь можно было легко различить красиво разрисованный большой домъ, хижины, разные строенія и сараи, частью окруженные высокими насыпями. Къ стѣнамъ столба плотно прилежали большія деревянныя строенія, покрытыя тесомъ, черезъ скважины котораго дымъ выходилъ наружу. Около этихъ строеній и на поляхъ виднѣлись толпы людей и стада лошадей. На берегахъ озера батраки поили скотину. По насыпямъ въ разныхъ направленіяхъ прохаживались вооруженные воины; головы ихъ были покрыты желѣзными шлемами, имѣвшими форму небольшихъ лодокъ, въ рукахъ они держали длинные копья.

Высокая насыпь и рядомъ съ нею глубокій ровъ отдѣляли городъ отъ твердой земли, откуда въ городъ можно было пробраться черезъ мостъ или водою на паромѣ. Долго еще скакали наши всадники, пока успѣли пробраться къ небольшимъ и узкимъ городскимъ воротамъ. Часовой узналъ Смерду и отворилъ ворота; когда стоявшіе у воротъ люди замѣтили Хенго, ѣдущаго сейчасъ за Смердою, они окружили его со всѣхъ сторонъ и задали ему множество вопросовъ.

Нѣмецъ и теперь имѣлъ спокойный видъ; онъ соскочилъ съ лошади и слѣдовалъ за Смердою, держа поводья въ рукахъ. Пройдя черезъ мостъ, они очутились на большомъ дворѣ, на одномъ концѣ котораго возвышалась видѣнная ими издали каменная башня, не имѣвшая внизу ни дверей, ни оконъ: въ нее можно было войти только по лѣстницамъ. Рядомъ съ нею расположены были княжескія избы и хижины; длинное крыльцо, опиравшееся на высокіе столбы, позволяло и во-время ненастной погоды сидѣть на воз-

духъ. По срединѣ княжескаго дома, стѣны и столбы котораго были выкрашены въ бѣлый, желтый и красный цвѣта, на нѣсколькихъ столбахъ возвышалось крыльцо довольно обширное и украшенное рѣзными, деревянными, причудливыми рисунками. На крыльцѣ, вокругъ стѣны его, стояли скамьи, откуда, не трогаясь съ мѣста, можно было видѣть всю окрестность, дворъ, всѣ строенія, озеро и ворота.

Въ ту минуту, когда Смерда, съ сопровождавшими его, входилъ во дворъ, на которомъ суетились княжескіе слуги и работники у самаго входа, въ преддверіи, стоялъ мужчина высокаго роста съ краснымъ лицомъ, рѣдкою бородкою, черными длинными волосами и такими-же глазами, бросающими дикіе взгляды. По всему было видно, что онъ присматриваетъ за слугами. По одеждѣ легко было узнать, что онъ здѣсь господинъ. Голова его была покрыта лисьей шапкой, украшенной бѣлымъ перомъ; платье, имѣющее форму болѣе или менѣе сходную съ платьями всѣхъ слугъ его, было усѣяно украшеніями изъ бѣлаго и желтаго металла; поясъ на немъ блестѣлъ отъ металлическихъ колецъ и кружковъ; кожаные башмаки были перевязаны красными бумажными шнурками, Мечъ за поясомъ и блестящій ножъ на металлической цѣпочкѣ, прикрѣпленной къ кушаку, составляли его вооруженіе. Смерда замѣтилъ его издали и принялъ самый покорный видъ. Князь, наморщивъ брови, заложивъ руки за кушакъ, смотрѣлъ волкомъ. Смерда снялъ шапку и, нагнувшись, приблизился къ своему владѣтелю.

— Кого это словилъ ты дорогою?—спросилъ князь скрипшимъ и грубымъ голосомъ.—Это чужой?

— Нѣмецъ, на Лабѣ живетъ, продавецъ, — началъ Смерда униженнымъ голосомъ. — Ему не впервые приходится скитаться по нашимъ землямъ. Я его встрѣтилъ у кмета Виша, онъ гостилъ у него; а кто знаетъ, съ какою цѣлью зашелъ онъ къ Вишу? Я и велѣлъ ему ѣхать съ нами. Но, долженъ я сказать, онъ не сопротивлялся, даже увѣрялъ меня, что его выслали къ вашей милости и хочетъ вамъ поклониться.

Князь, молча, посмотрѣлъ на своего слугу, не дерзнуваго еще поднять головы, затѣмъ на Хенго, стоявшаго немного позади.

Князь долго еще молчалъ, наконецъ, процѣдилъ сквозь зубы, равнодушно:

— Пусть онъ остается на рукахъ у тебя; сегодня у меня гости; времени мало; накормить его и напоить, голоднымъ не держать... Завтра поутру приведешь его ко мнѣ.

Смерда поклонился до земли.

— Отъ кмета Виша взялъ я одного парня; здоровъ онъ и силенъ, способенъ носить мечъ и копье. Людей у насъ мало теперь, ваша милость. Старый змѣй шипѣлъ, но всетаки долженъ былъ дать.

— Они все шипятъ,—сказалъ князь,—и будутъ шипѣть, пока я не зажму имъ ротъ и не научу молчать и слушаться. Знаю я ихъ; у нихъ въ мысляхъ все прежняя волчья свобода. Слѣпцы покоятъ о ней и людей бунтуютъ. Спутать нужно эту дичь, да покрѣпче.

Смерда не посмѣлъ отвѣтить. Онъ стоялъ съ поникшею головою и опущенными руками.

— Вишь! Вишь!—говорилъ князь, прохаживаясь взадъ и впередъ и не обращая вниманія на окружающихъ; — и я его знаю, ему кажется, что онъ тамъ, въ лѣсу, князь и господинъ, а меня онъ знать не хочетъ.

— И богатъ онъ,—осмѣлился вставить свое слово Смерда,—чего, чего только у него нѣтъ, всего вдоволь! Людей тьма; стада, пиво, медъ, все есть у него. А кто его знаетъ: можетъ и металлъ, золото и серебро, припряталъ! И у нихъ у всехъ ваша милость...

— До поры, до времени! — крикнулъ князь и присѣлъ на скамью.

Смерда ушелъ. Хенго дожидался приказаній, не отходя отъ своей сумы, на которую взгляды многихъ обращались съ любопытствомъ.

— Его милость только завтра допуститъ тебя къ себѣ,—обратился Смерда къ нѣмцу;—у тебя есть время отдохнуть и приготовиться. Приказалъ не морить тебя голодомъ; у насъ съ голоду еще никто не умеръ, развѣ въ темницѣ подъ башнею,—добавилъ онъ съ улыбкою.—Сегодня,—сказалъ онъ на ухо нѣмцу,—его милость не въ духѣ, хмурится что-то... и глаза зло смотрятъ; лучше, что онъ завтра будетъ говорить съ тобою.—Смерда еще ближе на-

гнулся къ Хенго.—Неудивительно, что сердится; вчера, говорятъ, привели племянника, который ушелъ отъ него и затѣивалъ что-то недоброе съ кметами... Посадили птичку въ темницу, да притомъ вынули оба глаза, чтобъ никогда болѣе не могъ вредить. Все-же своя кровь... Лешекъ...

Смерда махнулъ рукою.

— Двоихъ изъ его людей повѣсили. Жаль! Славные парни и воины, здоровые молодцы, а все-же опасные волки.

Желалъ-ли Смерда снискать расположеніе Хенго, или просто хотѣлось ему болтать, но онъ продолжалъ дальше, не дожидаясь отвѣта:

— Не легко княжить здѣсь, не легко, народъ лютой. Съ кметами все споры и споры, но князь понемножку истребитъ гордецовъ. Кормить онъ ихъ, поить, тянетъ за языкъ, а кончается...

Смерда захохоталъ дико, странно и посмотрѣлъ въ сторону княжескаго дома.

У Хенго было довольно времени для того, чтобы осмотрѣть окружающіе его дома и людей, проходящихъ до двору. Не мало уже приходилось видѣть нѣмцу на своемъ вѣку; этому обстоятельству слѣдуетъ приписать то, что здѣсь его ничто не удивляло, а еще менѣе пугало, хотя со всѣхъ сторонъ его окружали люди, готовые броситься на „чужого“. Проходящіе мимо него княжескіе слуги разсматривали его внимательно съ ногъ до головы и, указывая на него пальцами, повторяли: „нѣмой, нѣмой!“. Хенго дѣлалъ видъ, что не обращаетъ на это никакого вниманія!

Хенго простоялъ уже довольно долго, ожидая приказаній, когда къ нему подошелъ мальчуганъ, нарядно одѣтый, съ длинными, падающими ему на плечи волосами, и, кивнувъ ему головою, пригласилъ нѣмца слѣдовать за собою. Хенго отдалъ лошадей Гердѣ, а самъ отправился вслѣдъ за пригласившимъ его мальчуганомъ. Черезъ большія ворота, у самаго княжескаго дома, мальчикъ и Хенго прошли на другой дворъ. Здѣсь все имѣло иной, и притомъ не такой воинственный видъ. Крыльца, раскрашенныя свѣтлыми красками, обращены были къ солнечной сторонѣ, на веревкахъ висѣло сохнувшее бѣлье и женскія платья. Нѣсколько старыхъ деревьевъ, стоя посерединѣ двора, задумчиво

смотрѣли на окружающіе ихъ дома, около которыхъ проходили и работали женщины; тутъ-же въ пескѣ сидѣло нѣсколько играющихъ дѣтей.

Мальчуганъ, провожавшій Хенго, указывая пальцемъ на свой ротъ въ знакъ молчанія, медленно велъ нѣмца къ боковымъ дверямъ. Отворивъ двери, они вошли въ большую свѣтлицу, окошко которой пропускало такъ много свѣта, что все въ ней смотрѣло какъ-то весело. Видъ на озеро еще болѣе украшалъ избу. Замѣтно было, что женская рука старательно ухаживала за всѣмъ въ этой избѣ. Въ комнатѣ стоялъ ароматическій запахъ отъ какого-то зелья, только - что завядшаго; послѣдніе дневные лучи позволяли различать въ ней даже самые мелкіе предметы. На деревянной скамейкѣ, какъ-разъ противъ очага, въ которомъ весело пылалъ огонь, сидѣла женщина въ шерстяномъ платьѣ, въ бѣломъ головномъ уборѣ, окружавшемъ голову и лицо, носившее слѣды замѣчательной красоты. Изъ всѣхъ ея прелестей остались одни только глаза, черные, какъ уголь, и блестящіе какъ будто-бы ихъ обладательницѣ теперь было не больше двадцати лѣтъ. Около нея на низенькой скамеечкѣ, стояли маленькіе горшечки, миски и кувшины, а подлѣ нихъ лежали пучки какихъ-то душистыхъ травъ.

Она съ любопытствомъ слѣдила за каждымъ движеніемъ Хенго, который поклонился ей до самой земли. Женщина, послѣ нѣкотораго молчанія, улыбнулась и обратилась къ нему на языкѣ тюрингенскихъ лѣсовъ, звуки котораго привели въ восторгъ все еще кланявшагося нѣмца.

— Ты откуда?

— Ваша милость,—сказалъ нѣмецъ, оглядываясь по сторонамъ,—я живу надъ Лабою, по ту сторону, но я привыкъ скитаться по бѣлу свѣту, дома рѣдко сижу. Я нѣсколько говорю по-здѣшнему, вожу сюда товаръ и обмѣниваю на здѣшній.

Въ избѣ суеилось нѣсколько любопытныхъ женщинъ, прислушивавшихся къ странному говору.

— Мнѣяешь? А что-же даютъ тебѣ въ обмѣнъ?—спросила женщина.—Что можно взять у этой голи и дикихъ людей? Золота и серебра, никакого металла у нихъ нѣтъ. Точно звѣри прячутся по лѣсамъ. Городовъ, даже селъ нѣтъ, а люди...

Она вздохнула. Хенго осторожно вынулъ изъ кармана кольцо украшенное дорогимъ камнемъ, и издали указалъ его женщинѣ. Увидѣвъ кольцо, она торопливо встала со скамьи, приказала всѣмъ женщинамъ и мальчугану оставить комнату и подошла къ нѣмцу. Хенго сталъ передъ нею на колѣни.

— Отецъ мой послалъ тебя?—воскликнула женщина.

— И сыновья твои, милостивая княгиня,—прибавилъ нѣмецъ, вставая.

— Сыновья!—повторила княгиня, радостно поднимая руки и обвивая ими голову. — Говори, говори-же объ нихъ все, что, знаешь... говори много, долго.

Она снова сѣла на скамейку, подпираясь рукою, и задумчиво глядѣла на огонь, у котораго сушились какія-то травы, наполняя воздухъ острымъ запахомъ.

— Старый отецъ,—говорилъ нѣмецъ,—привѣтствуетъ вашу милость. Онъ далъ мнѣ этотъ перстень, чтобы ваша милость исполнила мои слова.

Хенго приблизился къ княгинѣ и тише добавилъ:

— Къ намъ разныя вѣсти доходятъ... Отецъ вашей милости беспокоится... Онъ готовъ всегда придти къ милости вашей съ помощью, со своими людьми, если-бы вамъ угрожала малѣйшая опасность. Это самое онъ велѣлъ передать вашей милости.

Княгиня сдвинула брови; она махнула бѣлою рукою, какъ-бы желая показать, что опасности не боится.

— Князь скажетъ тебѣ: нужна-ли ему помощь моего отца,—сказала она.—Мы справимся одни съ дядями, племянниками и толпою кметовъ. Для этого есть много средствъ.

Она невольно взглянула на каминъ и травы.

— Кметы давно уже шумятъ и многіе изъ нихъ погибли. Съ каждымъ днемъ становится ихъ все меньше и меньше. Нечего бояться этихъ дикарей; да не только ихъ однихъ, мы никого не боимся: городъ сильный, людей много, а князь мой милостивый умѣетъ съ ними справляться... Говори мнѣ о дѣтяхъ. Обоихъ видѣлъ?

— Собственными моими глазами, сказалъ нѣмецъ:—красивѣе ихъ нѣтъ на свѣтѣ; такихъ воиновъ и всадниковъ, каковы они, не легко сыскать. Всѣ на нихъ любятъ и удивляются имъ.

Лицо женщины прояснилось.

— Они могли-бы уже вернуться къ вашей милости,—прибавилъ Хенго,—чтобы стать рядомъ съ ихъ милостью...

— Нѣтъ, нѣтъ! — прервала его княгиня, — теперь не время, нужно еще подождать. Я не хочу, чтобы они видѣли то, что здѣсь должно произойти; я не хочу, чтобы они теперь, такъ рано, приняли участіе въ борьбѣ съ собственною кровью. Скоро у насъ настанетъ миръ, и тогда мы ихъ призовемъ. Я такъ давно ихъ не видѣла; взяли ихъ у меня и отправили къ дѣду, чтобы у нашихъ они обучались военному дѣлу. Столько лѣтъ, столько лѣтъ прошло съ той поры! — Ты обоихъ ихъ видѣлъ? — еще разъ спросила княгиня.

— И не одинъ разъ,—отвѣчалъ Хенго,—и не два! Князь Лехъ, хотя и старше брата нѣсколькими годами, а кажется его ровесникомъ. Оба и сильны, и здоровы. Копье бросаютъ на удивленіе! Никто такъ не сѣмлетъ... Стрѣляютъ изъ луковъ птицъ и звѣрей, а верхомъ готовы сѣсть на самыхъ свирѣпыхъ скакуновъ.

Глаза матери засверкали.

— А красивы они?

— Красивѣе ихъ никто не можетъ быть и нѣтъ никого! — отвѣчалъ Хенго: — большого роста, свѣтлыя лица, синіе глаза, блондинскіе волосы.

Улыбка скользнула по губамъ княгини, но одновременно двѣ жемчужныя слезы скатились по блѣднымъ щекамъ. Княгиня все тише и все чаще начала спрашивать Хенго, а онъ все обстоятельнѣе отвѣчалъ на ея вопросы.

Темно уже стало въ свѣтилищѣ, одинъ только свѣтъ огня очага освѣщалъ ее, а нѣмецъ все еще стоялъ передъ княгиней и не переставалъ отвѣчать на тысячи вопросовъ, которые она ему предлагала. Наконецъ, княгиня обратилась къ нему со словами: „до завтра!“ и нѣмецъ вышелъ.

Самбора оставили на дворѣ. Онъ съ любопытствомъ осматривалъ все окружающее: ему первый разъ въ жизни приходилось видѣть городъ. Едва Самборъ успѣлъ сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ на встрѣчу ему попался Косъ, котораго Самборъ зналъ еще до его поступленія въ княжескую дружину. Косъ, взявъ Самбора за руку, провелъ его въ избу, гдѣ помѣщались княжескіе воины.

Никого изъ нихъ не было теперь въ избѣ: одни стояли на часахъ на городской стѣнѣ или у моста, другіе прислуживали князю, а всѣ остальные съ оружіемъ въ рукахъ сидѣли въ боковой, прилегающей къ княжескому дому хижинѣ, не безъ цѣли, конечно: у князя были въ гостяхъ кметы.

Косъ глубоко ненавидѣлъ князя, которому волей-неволей долженъ былъ служить. Не только одинъ Косъ ненавидѣлъ князя,—одинаковое чувство питали къ нему и другіе изъ его дружины, которыхъ онъ насильно заставилъ служить себѣ. Съ перваго-же слова Самборъ и Косъ поняли другъ-друга.

— И тебя тоже посади въ эту волчью яму?—началь Косъ шопотомъ.

— Силою, а не по доброй волѣ,—отвѣчалъ Самборъ.

— А знаешь, какая здѣсь жизнь?

— Предчувствую, если и не знаю.

— Неволя! Неволя!—вздыхнулъ Косъ.—Помыкаютъ нами, какъ скотиною, а потѣшаются надъ нами хуже, чѣмъ надъ собаками. Княжескія собаки лучше насъ живутъ.

Товарищи начали плакаться на свою судьбу. Въ избѣ стало душно. Новые, но искренніе, друзья вышли изъ избы и отправились на насыпь, находящуюся у самой башни. Косъ указалъ Самбору на небольшое отверстіе въ стѣнѣ...

— Племянника вчера туда опустили,—шепнулъ онъ на ухо Самбору,—и вынули ему оба глаза... Я самъ видѣлъ, какъ его держали, а старый Зжега ножомъ вырѣзывалъ ему глаза. Кровь капала изъ глазъ точно слезы... онъ не кричалъ, не просилъ о пощадѣ: зналъ, бѣдняга, что не найти ея здѣсь... Потомъ связали его веревкой и опустили въ темницу; а теперь даютъ ему хлѣбъ и воду, пока не умретъ... Говорять, что не ему одному, и другимъ то-же готовятъ.

— Если съ роднымъ племянникомъ такъ поступили, что-же они сдѣлаютъ съ нашими кметами?—спросилъ Самборъ въ раздумьи.

Косъ пожалъ плечами.

— То-же или еще хуже,—сказалъ онъ,—если во-время за умъ не возьмутся.

Изъ княжескаго дома долетали до нихъ звуки оживленнаго разговора, смѣхъ и крики.

— Вотъ князь веселится,—говорилъ Косъ:—у него всегда этимъ начинается, пока не дойдетъ до ссоры и до ножей. И сегодня врядъ-ли иначе кончится. Онъ только ждетъ, чтобъ они опохмѣли: съ пьяными легче справиться. Онъ созываетъ въ городъ каждый разъ по нѣсколько кметовъ, принимаетъ всѣхъ ласково; а рѣдко кто цѣль выходитъ отсюда... Онъ понемножку да потихоньку истребитъ болѣе вліятельныхъ, остальные волей-неволей покорятся.

Косъ смотрѣлъ въ глаза Самбору.

— Что же ваши-то?...

— Не знаю,—отвѣчалъ осторожный новичокъ.—Они и рады-бы что-нибудь дѣлать, но не могутъ; а можетъ быть, выжидаютъ...

— Бабы они, вотъ что!—вскричалъ Косъ.

— Княжескій столбъ не скорлупа — силентъ,—оправдывалъ своихъ Самборъ.

— Сильный столбъ, правда,—отвѣчалъ Косъ,—но и камни можно разрушить. А чѣмъ дольше простоятъ, чѣмъ крѣпче будетъ, потому что человѣческіе черепа лягутъ въ его основаніе...

— Дружина большая...

Косъ улыбнулся.

— А развѣ громады по селамъ малы?—сказалъ онъ.—Быль-бы только у нихъ умъ. У насъ здѣсь все по-нѣмецки. Княгиня родомъ нѣмка; много нѣмцевъ ты встрѣтишь здѣсь. Младшія жены и наложницы всѣ изъ-за Лабы. И обычаи у насъ тоже завелись залабскіе, потому что князь знать не хочетъ народной свободы, слушать не хочетъ о вѣчѣ. Дѣвки нѣмки толкуютъ, что слышали, какъ онъ говорилъ, что если самъ не справится, то нѣмцевъ привести.

Косъ легъ на землю. Товарищи сидѣли въ небольшомъ разстояніи отъ окна темницы и услышали стонъ, какъ-бы выходящій изъ-подъ земли.

— Чѣмъ онъ провинился?—спросилъ Самборъ.

— Больше всего тѣмъ, что онъ та-же кровь, что онъ родной племянникъ князя; а князь не хочетъ видѣть здѣсь своей крови, потому что боится ея. Кто ихъ знаетъ? Говорятъ, будто сговаривался съ кметами, обѣщая имъ дать прежнюю свободу.

Наступило молчаніе. На дворѣ слышались хохотъ и говоръ,

затѣмъ воцарилась мертвая тишина, а потомъ послышалась пѣсня, которую, казалось, кто-то пѣлъ шепотомъ. Въ противоположной сторонѣ собаки были такъ жалостливо, точно предвѣщали несчастье; и, странно, каждый взрывъ хохота сопровождался вытьемъ собакъ. Мѣсяцъ спокойно плылъ по небу; красный цвѣтъ его напоминалъ собою свѣжую кровь. Сѣдая туча раздѣляла его на двѣ части. Какая-то зловѣщая печаль носилась въ воздухѣ... Стаи вороновъ кружились въ поднебесьи.

Самборъ поднялъ голову.

— Э! Это наши ежедневные гости,—замѣтилъ Косъ, улыбаясь:— вѣрнѣе, наши товарищи; они никогда не оставляютъ башню. Всегда здѣсь на-готовѣ; трупъ у насъ не диковинка; рѣдко, когда нѣтъ его. Теперь они беспокоятся, потому-что наступила пора бросить имъ їду... Увидишь, сегодня они каркаютъ не понапрасну.

IV.

Прямо отъ княгини Хенго возвратился на первый дворъ, гдѣ дожидался его Смерда. Оба они отправились въ темную, очень слабо освѣщенную, избу, гдѣ обыкновенно ѣли рабочіе и челядь. Окно, какъ и всѣ вообще, закрывавшееся ставнемъ со стороны избы, выходило на дворъ; какъ-разъ напротивъ этого окна были княжескія комнаты. Смерда и Хенго, стоя у окна, очень удобно могли видѣть, а отчасти и слышать, все, что происходило на пиру.

Теплый вечерній воздухъ позволялъ открыть окна, а это тѣмъ болѣе приходилось имъ на-руку, что въ избѣ духота стояла страшная.

Книзь, видно, любилъ старый медъ и веселье, потому-что пиръ оживлялся съ каждою минутою; онъ начался веселымъ говоромъ, а теперь гудѣлъ веселыми пѣснями, криками и неумолкаемыми возгласами. Иногда веселое настроеніе переходило границу хорошаго расположенія духа: слышались споры, ворчливые голоса начинали обмѣниваться ругательствами; иногда на минуту водворялась тишина, а за нею сейчасъ-же слѣдовали крики и брань. Хотя словъ нельзя было разслышать, но по звукамъ не трудно было догадаться, что въ княжескихъ покояхъ веселье

начало переходить въ звѣрское остервененіе. Ужинающіе, привыкшіе къ подобному шуму, спокойно относились къ спорамъ, происходившимъ въ княжескихъ избахъ. Одинъ Хенго съ боязнью прислушивался къ страннымъ крикамъ. Смерда, замѣтивъ это, улыбнулся и покачалъ головою.

— Все это старшины, жупаны, кметы,—сказалъ онъ нѣмцу, желая объяснить ему происходившій у князя странный шумъ и гамъ.—Князь даетъ имъ пить вволю; напившись, они болтаютъ весело; а подчасъ одинъ, другой скажетъ что-нибудь обидное, а князь иногда бываетъ нетерпѣливъ. Случается: гости поссорятся, котораго-нибудь задавать... Что-жъ! Однимъ меньше. Иногда дѣло доходитъ до кулаковъ, одинъ другого и убьетъ, а намъ какое до нихъ дѣло?

Пѣсни становились все громче, по-временамъ онѣ напоминали ревъ дикихъ звѣрей, смѣхъ не смѣхъ, а какой-то вой; гнѣвъ походилъ на ворчаніе собакъ, готовыхъ броситься другъ на друга. Снова все притихло, раздавались только побѣдные возгласы; а тамъ шумъ снова начинался, новая ссора, новая драка, иногда слышались удары мечей... и опять тишина... Хенго слышалъ громовый голосъ князя, который проносился точно вихрь среди бури. Мѣсяцъ подымался все выше и выше; наступила ночь; на дворѣ царствовала тишина. Теперь еще явственнѣе долетали до Смерды и Хенго голоса пьяныхъ кметовъ. Хенго, изнуренный дорогою, готовъ былъ заснуть, но любопытство заставляло дожидаться конца этого пиршества. Смерда, сидя тутъ-же на скамьѣ, слушалъ.

Въ княжескихъ свѣтлицахъ всѣ притихли. Видно было, какъ поднимаются къ губамъ руки съ чарками вина. Всѣ охрипли. Послѣ продолжительнаго молчанія первымъ заговорилъ князь. Онъ смѣялся и издѣвался надъ кѣмъ-то. Едва успѣлъ онъ кончить, какъ буря снова поднялась, точно по его приказанію. Теперь даже его громкій голосъ, прерываемый ядовитымъ смѣхомъ, не могъ остановить ея. Князь смѣялся, а другіе бранились между собою. Слышались звуки разбиваемыхъ сосудовъ; столы и скамьи падали съ шумомъ, какія-то тѣни заслоняли собою свѣтъ, руки подымались вверхъ; ужасный крикъ раздался въ сѣняхъ и на дворѣ.

Челядь поднялась на ноги. Въ княжескихъ свѣтлицахъ буря шумѣла: крикъ, стукъ, гамъ, трескъ, призывы о помощи, которые

прекращались какъ-бы подъ давленіемъ сильной руки. Все это сливалось въ одинъ дикій ужасный шумъ, а надъ нимъ царилъ протяжный, адскій смѣхъ.

Хенго выглянулъ черезъ окно. Въ дверяхъ княжескаго дома онъ увидѣлъ большую черную массу, освѣщенную луною. Это была груда людей, связанныхъ по рукамъ и по ногамъ; они грызли другъ друга зубами, царапали, душили одинъ другого; связанная длинными веревками, груда человѣческихъ труповъ и еще живыхъ людей передвигалась медленно; точно морской валъ передвинулась она въ преддверіе, а оттуда рухнулась на дворъ. Здѣсь началась ужасная борьба: связанные душили другъ друга; виднѣлись обнаженные мечи, ищущіе еще живыхъ головъ, руки сжимали все, что въ нихъ попадалось. Князь стоялъ на крыльцѣ, подбоченившись, и хохоталъ во все горло, хохоталъ ужасно, дико.

Движущаяся масса человѣческихъ тѣлъ ползала по двору, не будучи въ состояніи развязать веревокъ, сжимающихъ ее въ одно цѣлое. Иногда только отпадалъ отъ нея недвижный трупъ, обезображенный, съ раздавленными членами.

На землѣ, въ красныхъ лужахъ крови, луна спокойно отражала свой образъ. Оставшіяся еще въ живыхъ, несчастныя жертвы прятались подъ лѣстницы и заборы. Нѣсколько человѣкъ, болѣе живучихъ, старались привстать, но силы ихъ оставили и они со стономъ упали на землю, чтобы уже болѣе не подняться. Умирающіе наполняли воздухъ раздирающими душу криками.

Когда все стихло, князь ударилъ въ ладоши. По данному знаку, Смерда позвалъ княжескихъ слугъ и съ ними выбѣжалъ во дворъ.

— Въ озеро эту падалъ!—крикнулъ князь.—Очистить дворъ! Вынесите этотъ гной!

Отдавая это приказаніе, князь пилъ медъ изъ чарки, которую поставилъ на скамьѣ и самъ опустился на нее.

Несмотря на лунную ночь, слуги зажгли смолистыя лучины, а князь спокойно смотрѣлъ на своихъ умирающихъ друзей, на свои жертвы. Еще не всѣ умерли. Нѣсколько полуживыхъ кметовъ, издавая послѣднее дыханіе, ревели и изрыгали проклятія; на землѣ валялись трупы.

У самой лѣстницы лежалъ умирающій старецъ; умирая, онъ проклиналъ:

— Чтобъ ты исчезъ, Хвостъ проклятый... ты... и кровь твоя, и потомство твое, и родъ, и имя... Чтобъ ты пропалъ, провалился сквозь землю!..

Князь хохоталъ, смотря на проклинающаго его старика.

Въ воротахъ показалось нѣсколько женщинъ, съ испугомъ глядѣвшихъ на эту рѣзню. Между тѣмъ, челядь, подъ начальствомъ Смерды, дѣятельно очищала дворъ, относя трупы къ стѣнѣ; здѣсь срывали съ нихъ одежду, брали мечи изъ окоченѣлыхъ рукъ, обрывали ножны, снимали сапоги... Ободранныя тѣла несли на насыпь, откуда бросали ихъ въ воду, несмотря на то, что во многихъ жизнь еще не угасла. Слышно было, какъ тѣла падали въ воду; смѣхъ вторилъ этимъ похоронамъ. Слуги забавлялись бросаніемъ тѣлъ въ озеро. Вороны поднялись съ башни и, прилетѣвъ на озеро, кружились надъ ними, каркая и махая крыльями.

Хенго сидѣлъ на скамьѣ; онъ остолбенѣлъ, онъ опасался тронуться съ мѣста, онъ невольно боялся и за себя. Онъ не могъ понять, чѣмъ провинились эти жертвы, кто они, и почему князь, вмѣсто того, чтобы жалѣть ихъ или сердиться, неистово хохоталъ.

Хенго, не зная, что дѣлать, потихоньку вышелъ изъ избы и, около стѣнъ, хотѣлъ пробраться къ сыну, въ сарай. Князь въ это время прохаживался передъ своимъ домомъ, напѣвая какую-то веселую пѣсню. Быстрый его глазъ замѣтилъ нѣмца въ тѣни.

— Эй, ты! Поди сюда!—крикнулъ князь и, какъ собакѣ, указалъ ему на свои ноги. Хенго боязливо приблизился. По походкѣ, по движенію и по словамъ не трудно было замѣтить, что князь напился до-пьяна.

— Вотъ видишь! Хорошій ужинъ!—говорилъ князь, смѣясь.—Что-жъ, нѣмецъ, видѣлъ ты, какъ они весело забавлялись? Имъ жарко было,—ну, теперь они купаются въ озерѣ! Они сами пере-душили другъ друга... Они сами... Моихъ людей тамъ не было ни одного... А медъ, а умъ зачѣмъ? Эй, вы, саксонцы и франки проклятые, вы всѣ умники, а? А кто-бы изъ васъ съумѣлъ избавиться такъ отъ этой дряни?

Князь хохоталъ, держась за бока.

— Для моихъ людей останется много одежды, а для меня земля и лошади. Вотъ такъ пиръ, и меду не жаль!

Князь не могъ удержаться отъ смѣха.

— Напейся и ты меду, рыжее рыло!—закричалъ онъ.

Хенго кланялся до самой земли, желая избавиться отъ тяжкаго испытанія, но тщетно. Мальчикъ поднесъ ему большую чарку меда, а когда онъ не рѣшался напиться, князь велѣлъ ему насильно лить въ горло. Двое слугъ поймали нѣмца, придержали его, а мальчуганъ открылъ ему ротъ пальцами и, смѣясь, вылилъ ему медъ въ горло. Нѣмецъ поклонился за угощеніе и намѣревался уйти, боясь за свою голову, которую легко можно было потерять въ эту минуту, но князь сѣлъ на скамью и призвалъ его. Нѣмецъ подошелъ къ скамьѣ.

— Что видѣлъ,—началъ полусонный князь,—разскажи старому графу. А какъ я началъ, такъ и окончу... Ни одинъ не ускользнетъ изъ моихъ рукъ. Сыновьямъ я оставляю миръ дома... Кметамъ хотѣлось слишкомъ высоко летать... Нужно было ихъ обуздать... Скажи, что я ихъ не боюсь... А помощи не прошу... что я ихъ уже много передумалъ и до послѣдняго уничтожу.

Вдругъ онъ какъ будто вспомнилъ о чемъ-то и далъ знакъ рукою, чтобы Хенго подошелъ ближе.

— Видѣлъ ты моихъ молодцовъ? Выросли?—началъ онъ, не дожидаясь отвѣта нѣмца.—Они должны быть не малы. Сильны они? Въ отца, или въ мать? Ходили на врага?

Хенго старался дать отвѣты на всѣ вопросы князя, котораго онъ боялся. Князь дремалъ, глаза его сами закрывались. Онъ съ просонья бормоталъ про себя:

— Я заведу у васъ порядокъ, будетъ вамъ ладъ... Будетъ у васъ Ладъ... За бороду буду вѣшать у дороги... Я одинъ здѣсь князь и властелинъ... Моей быть волѣ, не вашей! Вонъ съ этою падалью... Вонъ!

Онъ открылъ глаза, замѣтилъ стоявшаго передъ нимъ нѣмца и улыбнулся.

— Видѣлъ охоту?—обратился князь къ Хенго.—Удачная охота.. Звѣрь жирный... Мои вороны покушаютъ до сыта...

Онъ началъ напѣвать какую-то пѣсню и снова вздремнулъ.

— Племянникъ безглазый... Еще двое ихъ осталось... и этихъ

приведуть... Они уже клялись уничтожить меня... Жизни я у него не отнималъ... Пусть гніетъ въ темницѣ...

Онъ началъ считать по пальцамъ.

— Войтасъ... Жирунь... Гѣзло... Курда... Мстивой... Пять семействъ... Бабъ должны завтра сюда пригнать... и стада...

Онъ смѣялся, болталъ и дремалъ. Хенго боялся тронуться съ мѣста, не получивъ отъ князя разрѣшенія. Самборъ тоже вышелъ на дворъ,—спать ему не хотѣлось,—явилось и желаніе пострѣть на свирѣпаго властелина. Молодой парень тихонько подошелъ къ спящему князю; прислушиваясь къ его бормотанію, онъ невольно грозно посмотрѣлъ на него; встряхнулъ головою и немедленно возвратился въ избу.

Между тѣмъ, князь уснулъ крѣпкимъ сномъ. Храпѣніе его раздавалось все громче и громче, голова все ниже опускалась на грудь. Немного спустя въ дверяхъ показалась женщина и двое парней. Несмотря на сопротивление пьянаго Хвоста, они насильно подняли его и повели,—вѣрнѣе, потащили въ домъ. Двери за ними захлопнулись.

Хенго, опьянѣвшій отъ меда, испуганный разыгравшейся передъ его глазами кровавою драмою, придерживаясь стѣнъ, направился нетвердыми шагами къ своимъ лошадямъ и здѣсь легъ на соломѣ.

На дворѣ погасли лучины. Луна освѣщала черныя лужи застывающей крови и забытые у преддверія трупы, не могущіе до сихъ поръ еще проститься съ жизнью; кровь еще струилась изъ ранъ несчастныхъ кметовъ; они, опьянѣвшіе отъ меда, не чувствовали, какъ остатки жизни уходили изъ нихъ. Дворовые и челядь, показывая на нихъ пальцами, хохотали и глумились надъ умирающими.

— Всѣмъ имъ такъ будетъ, кметамъ, жупанамъ и старшинамъ, которые не хотятъ слушаться его милости, нашего князя.

Смерда заглядывалъ во всѣ углы и закоулки двора; слуги расходились ночевать по одиночкѣ. Тишина царствовала теперь въ городѣ, гдѣ недавно еще раздавались звуки пѣсенъ и стоны умирающихъ. Собаки выли, почуявъ кровь, а вороны, каркая, сидели на верхушку башни, гдѣ были ихъ гнѣзда, или кружились надъ водою. По милости Смерды, нѣсколько забытыхъ жертвъ умирало спокойно.

Когда Хенго проснулся на слѣдующее утро, солнце успѣло уже пройти часть своего ежедневнаго пути. Надъ нимъ стоялъ Герда и старался разбудить отца, такъ-какъ князь звалъ нѣмца къ себѣ. Когда Хенго, умывшись, побѣжалъ къ нему, князь сидѣлъ одинъ у стола въ своей избѣ; передъ нимъ стояло жареное мясо, чарки пива и меду. Его затекшіе кровью глаза свирѣпо перебѣгали съ предмета на предметъ. Онъ долго смотрѣлъ на нѣмца молча. Наконецъ проговорилъ:

— Я знаю, зачѣмъ тебя прислали,—началь онъ съ гордостью;—скажи, что я имъ благодаренъ, но въ помощи ихъ не нуждаюсь и нуждаться не буду. А если-бы когда-нибудь случилась въ ней надобность, я обращаюсь къ нимъ самъ. Мнѣ удобнѣе безъ нихъ, они даромъ не придутъ и какимъ-нибудь пустякомъ не зажмешь имъ ртовъ. Знаю я ихъ. Возвращайся къ нимъ и передай мой поклонъ старому графу; пусть учить хорошенько моихъ парней воевать; пусть живутъ тамъ и вернутся, когда я прикажу; теперь-же не время. Здѣсь еще нужно чистить; не скоро еще я избавлюсь отъ этихъ червей. Старый графъ пусть успокоится,—прибавилъ князь,—хотя здѣсь народъ дикій, привыкшій къ своеволію, но я съумѣю его обуздать.

Князь напился пива и задумался. Хенго стоялъ передъ нимъ. Наконецъ, онъ указалъ нѣмцу дверь.

Едва Хенго успѣлъ выйти отъ князя, какъ у порога встрѣтилъ того-же мальчугана, который вчера позвалъ его къ княгинѣ. Ея милости угодно было призвать къ себѣ нѣмца съ товаромъ. Хенго, взявъ свой узелъ, отправился къ ней.

Княгиня, окруженная своими слугами, дожидалась нѣмца въ той-же свѣтлицѣ, гдѣ онъ видѣлъ ее вчера. Слуги княгини были такъ-же блѣдны, какъ и ихъ госпожа: лица ихъ, быть можетъ, еще недавно подернутыя румянцемъ, выцвѣли здѣсь, вдали отъ родины, среди чужихъ. Хенго, какъ опытный торговецъ, зналъ, что кому слѣдуетъ показать. Въ Вишевой хижинѣ онъ показывалъ металлъ средняго достоинства, желтый и красный, здѣсь же онъ вынулъ изъ сумки серебряныя кольца, золотые листья и цвѣты, выдѣланные изъ тоненькихъ золотыхъ листочковъ, которыми женщины обшивали платья. Женщины немного оживились, смотря на блестящія бездѣлки; онѣ брали ихъ въ руки, приклады-

вали къ платьямъ. Хенго и не замѣтилъ, какъ весь его товаръ разошелся по рукамъ. Онъ стоялъ, не смѣя сказать ни слова, когда мальчуганъ отворилъ двери, и въ комнату вошелъ князь въ колпакъ, закрывавшемъ ему почти совсѣмъ глаза. Стоя у порога, онъ смотрѣлъ на женщинъ, любуясь личиками тѣхъ, которыя, были моложе и красивѣе своихъ товаровъ. Князь бросилъ взглядъ и на товаръ, но какъ-то презрительно при этомъ улыбнулся, а когда княгиня замѣтила ему, что для ея женщинъ все это пригодилось-бы, князь, смѣясь, приказалъ нѣмцу оставить все, что принесъ.

Нѣмецъ не посмѣлъ даже заикнуться о замѣнѣ или возмездіи, а князь и не думалъ объ этомъ. Наконецъ, когда Хенго, желая спасти хотя оставшееся въ сумѣ добро, началъ ее связывать, князь нахмурился и крикнулъ:

— Скажи графу, что мы все это принимаемъ въ подарокъ для Брунгильды, и пусть онъ наградитъ тебя за это. Нечего здѣсь долго стоять. Совѣтую тебѣ возвратиться къ своимъ поскорѣе, да не оглядываться.

Хенго не дожидаясь, чтобы ему вторично повторили этотъ совѣтъ, и немедленно вышелъ, упрекая себя, что показалъ дорогой товаръ. Онъ уже былъ за дверью, когда княгиня, сжавившись надъ нимъ, выслала одну изъ своихъ прислужницъ сказать ему, чтобы онъ не печалился, что она вознаградитъ его за товаръ. Нѣмецъ обрадовался и остановился въ сѣняхъ. Къ нему вышла какая-то старуха и повела его въ ближайшую избу. Здѣсь груды мѣховъ и разнаго добра валялись на полу. Старуха позволила ему выбрать, что придется по его вкусу. Хенго, радуясь, что хотя чѣмъ-нибудь вознаградитъ свой убытокъ, подарилъ серебряную цѣпочку старухѣ, наложилъ себѣ на плечи мѣховъ и разныхъ кожъ, сколько былъ въ состояніи унести, и торопливо выбѣжалъ къ лошадямъ.

Суетливая бѣготня на дворѣ и крики, и призывы какъ-бы указывали ему, что ему нужно немедленно уходить отсюда, если не желаетъ потерять ни имущества, ни жизни. Когда Хенго вышелъ во дворъ, гдѣ стояли его лошади, до него долетѣли крики и оханія женщинъ, стоявшихъ у стѣнъ города.

Ворота были заперты. Со стороны моста слуги князя загора-

живали путь; Хенго теперь только увидѣлъ, что толпа всадниковъ и пѣшихъ воиновъ, между которыми было много женщинъ, требовала входа въ городъ, желая говорить съ княземъ.

Смерда и его товарищи бичами и копьями старались удержать напиравшую толпу. Плачь, проклятія и угрозы наполняли воздухъ страшнымъ шумомъ.

Это были семейства кметовъ, жупановъ и старшинъ, вчерашнихъ княжескихъ гостей, которые уже узнали о страшной рѣзни.. Нельзя было увѣрить ихъ, что ничего подобнаго не было: окровавленные трупы плавали по озеру у самаго моста, нѣкоторые лежали на берегу, выброшенные сюда волною. Женщины плакали и протягивали къ нимъ руки, стоя на колѣняхъ и вырывая себѣ волосы въ отчаяніи. Трупы, это—вѣдь мужья ихъ и отцы! Братья ихъ и сыновья, скрежеща зубами, стояли подъ стѣнами города и проклинали Хвоста, не щадя самыхъ оскорбительныхъ названій.

Усиливающийся съ каждою минутою шумъ и крикъ слышалъ князь и вышелъ на крыльцо, остановился и, подбоченившись, смотрѣлъ на своихъ слугъ, отталкивающихъ толпу отъ входа въ городъ. Толпа съ каждою минутою становилась все больше. Разъяренные кметы показывали князю сжатые кулаки, но онъ хохоталъ надъ ихъ бессильнымъ гнѣвомъ.

Все это продолжалось довольно долго; наконецъ Смерда, по приказанію князя, впустилъ въ городъ троихъ изъ осаждающихъ. Несчастные шли съ обнаженными головами, заливаясь слезами; подойдя къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ князь, они хотѣли заговорить, но онъ началъ первый.

— За что-же вы проклинали меня?—крикнулъ онъ;—собачьи сыны, ослушники! Чѣмъ я виноватъ? Я не трогалъ ихъ, ни одного изъ нихъ я не приказывалъ убивать, хотя я могъ это сдѣлать, и они заслужили казнь; имъ давно уже слѣдовало отрубить головы. Кто ихъ заставилъ ссориться и драться между собою? Изба въ крови, весь дворъ въ крови; они нарушили спокойствіе моего Столба. Какъ собаки, они грызли другъ друга и подохли.

Князь грозно показавъ кулаки.

— Подѣломъ! Старая славянская свобода засѣла имъ въ головы? Всѣмъ такъ будетъ, всѣмъ, кто только вздумаетъ добиваться свободы. Трупы плаваютъ, можете ловить ихъ, никто вамъ

не мѣшаетъ. Убирайтесь домой, пока еще цѣлы ваши головы. Не я ихъ убійца, повторяю вамъ,

Онъ еще не окончилъ своихъ угрозъ, когда изъ-подъ лѣстницы, гдѣ росла высокая трава и густой лопушникъ, поднялся полумертвый человѣкъ; онъ едва держался на поломанныхъ ногахъ. Лицо его, покрытое кровью, обезображенное и изуродованное, казалось лицомъ мертвеца. Искалѣченный княжескій гость, участникъ шумнаго пиршества, обратился въ сторону князя и, поднявъ вверхъ обѣ руки, закричалъ охрипшимъ голосомъ.

— Не онъ насъ убилъ! Онъ невиненъ! Онъ только дурману подсыпалъ въ медъ... натравливалъ брата на брата... дразнилъ, вызывалъ... глаза налились кровью, мы потеряли сознаніе... Онъ невиновенъ! Онъ... онъ,—повторялъ несчастный, стараясь подойти ближе къ князю,—онъ... собачье отродье... самъ нѣмой... чтобъ онъ сдохъ какъ собака!“

Полный негодованія, полумертвый кметъ нагнулся, поднялъ лежавшій у его ногъ камень, на которомъ виднѣлись слѣды застывшей крови и бросилъ его въ сторону князя. Должно быть, гнѣвъ его былъ великъ, потому-что, несмотря на его слабость, камень свиснулъ въ воздухъ и, попавъ въ окно, разбилъ раму. Въ ту-же минуту княжескіе слуги бросились къ разъяренному старику и набросили ему петлю на шею. Старикъ упалъ; слуги потащили мертвеца къ насыпи, чтобы бросить его въ воду.

Кметы отошли въ сторону; увидѣвъ у ногъ своихъ обезображенное тѣло своего брата, они грозными криками мщенія потрясли воздухъ... Никто не посмѣлъ тронуть ихъ, и они, никѣмъ не задерживаемые, вышли къ своимъ, а нѣсколько времени спустя гурьбою, съ крикомъ и гамомъ, отъѣхали отъ города. Остались только женщины у моста, желая убрать тѣла убитыхъ воиновъ.

Княжескіе слуги вышли изъ города, не съ тѣмъ, чтобы помочь женщинамъ, но желая выбрать изъ нихъ болѣе красивыхъ и увести ихъ въ городъ. Трехъ красавицъ, несмотря на ихъ крикъ и сопротивленіе, слуги силою привели въ городъ. Князь съ улыбкою смотрѣлъ на шалости своихъ людей.

Немного времени спустя тишина воцарилась въ городѣ. У стѣнъ, по берегамъ озера, женщины относили въ сторону мертве-

цовъ, которыхъ вода выбросила на берегъ. Другія на лодкахъ плыли къ тѣмъ трупамъ, которые еще покоились на поверхности воды.

Хенго торопился привязать къ лошадямъ остатки своего имущества и полученные отъ княгини мѣха и кожи, чтобы поскорѣе убраться изъ города. Хенго и Герда, еще болѣе испуганный, чѣмъ его отецъ, торопливо бѣжали, чтобы до полудня успѣть выѣхать за городскія стѣны. На пути они встрѣтили поджидавшаго ихъ Самбора. Опечаленный и унылый Самборъ подошелъ къ нѣмцу. Онъ убѣдился сначала, не подсматриваетъ-ли за ними кто-нибудь изъ слугъ.

— Добрый человѣкъ,—обратился онъ къ Хенго:—мнѣ кажется ты не злой человѣкъ, скажи, на обратномъ пути пройдешь ты мимо Вишева села?

Не смѣя или не желая отвѣчать, Хенго наклоненіемъ головы подтвердилъ догадку Самбора.

— Передай имъ мой поклонъ,—просилъ Самборъ,—я скучаю безъ нихъ, хотя здѣсь нѣтъ недостатка въ весельи и славно живетъ у князя. Чего-же еще? Смѣху вдоволь!.. Расскажи имъ все, что ты видѣлъ, и какъ мы тутъ славно пируемъ!.. Они будутъ радоваться, что я здѣсь. Можетъ быть, я-бы убѣжалъ отсюда, и стѣны, и вода, и колоды не удержали-бы меня, если-бы здѣсь не было такъ весело. Расскажи,—повторилъ онъ,—обо-всемъ, что ты здѣсь видѣлъ.

Хенго, видимо, былъ недоволенъ этою задержкою; онъ смотрѣлъ то на своихъ лошадей, то въ сторону города, боялся звука собственнаго голоса и потому кивнулъ Самбору головою.

— Скажи имъ,—прибавилъ еще Самборъ,—что вчера здѣсь было много кметовъ, многіе изъ нихъ поплатились жизнью, и какія похороны имъ были! Обѣщаютъ, что каждый день будетъ такое веселье. Въ темницѣ, подъ башнею, не считая племянника, которому вырѣзали глаза, сидитъ тоже нѣсколько кметовъ; придетъ очередь и для другихъ.

Хенго, все кивая головою и оглядываясь на башню, далъ знакъ рукою Самбору, чтобы онъ посторонился. Нѣмецъ и его сынъ сѣли на лошадей—времени нельзя было терять понапрасну. Князь съ своего крыльца видѣлъ, какъ они тронулись, но ничего

не сказалъ. Когда Хенго очутился за стѣнами города, лицо его повеселѣло. Онъ предпочиталъ пустыню княжескому гостепримству.

Отецъ и сынъ поскакали тѣмъ-же самымъ путемъ, которымъ вчера Смерда привелъ ихъ въ городъ. Дорога была такъ-же пустынна какъ вчера. До тѣхъ поръ, пока можно было видѣть высокій Столбъ и летающія надъ нимъ стада черныхъ хищниковъ, нѣмецъ съ боязнью оглядывался по сторонамъ, какъ-бы ожидая съ минуты на минуту приказанія вернуться обратно въ городъ. Герда не смѣлъ проговорить ни слова: бѣдняга еще дрожалъ отъ испуга. Вскорѣ они вѣхали въ густой лѣсъ и здѣсь вполнѣ успокоились. Хенго, привыкшій къ скитаніямъ, запомнилъ до мельчайшихъ подробностей тѣ мѣста, по которымъ велъ ихъ Смерда. Однакожъ осторожный нѣмецъ, желая избѣжать возможной встрѣчи болѣе грозныхъ людей, чѣмъ слѣпые гуслары, предпочелъ ѣхать лѣсомъ, заранѣе обдумывая мѣсто ночлега, потому-что не рассчитывалъ въ одинъ день доѣхать до Вишева жилища. Наши путники смѣло проѣхали въ-бродъ рѣку. До сихъ поръ они никого еще не встрѣтили на пути. Вдали только козы, увидя людей, бѣжали въ лѣсъ, а стаи птицъ перелетали на сосѣднія болота.

Начало вечерѣть... Хенго увидѣлъ на пригоркѣ большой камень, окруженный цѣлымъ лѣсомъ меньшихъ. Это мѣсто Хенго хорошо запомнилъ. Здѣсь они отошли отъ рѣки въ глубь лѣса и остановились на небольшой полянѣ. Корму для лошадей было здѣсь много. Хенго и Герда развели огонь, построили небольшой шалашъ изъ вѣтвей и улеглись въ немъ на землѣ.

Майская ночь прошла скоро; чуть свѣтъ завывающая вдали и приближающаяся къ нимъ буря разбудила ихъ громовыми ударами и ливнемъ. Хенго заторопился. Немного спустя они ужъ сидѣли верхомъ, готовые тронуться въ путь. Хенго обратился къ сыну съ увѣщаніемъ.

— Ты смотрѣлъ и слушалъ,—сказалъ онъ сыну,—видѣлъ все, что происходило въ городѣ. Я велѣлъ тебѣ молчать и дѣлать видъ, что ты не понимаешь ихъ рѣчи! Молчи и теперь—не говори ни слова.

Хенго, а за нимъ Герда, поскакали впередъ, направляясь къ Вишевой хатѣ. Дождь не переставалъ идти ни на минуту, лошади

скользили по мокрой землѣ; всадники волей-неволей принуждены были убавить шагъ. Солнце начало просвѣчивать сквозь тучи, когда они увидѣли заборы, избы и столбы выходящаго изъ нихъ дыма... На лугу паслись лошади и жеребята.

Вишъ стоялъ на пригоркѣ у рѣки и осматривалъ свое хозяйство; собаки лежали у ногъ старика. Нѣмецъ издали поклонился хозяину, и старикъ сейчасъ-же направился къ нему. Собаки готовы были броситься на чужого, но Вишъ заставилъ ихъ притихнуть и отогналъ прочь.

Въ глазахъ Виша виднѣлось любопытство; онъ, казалось, былъ крайне удивленъ тѣмъ, что нѣмецъ вернулся отъ князя цѣлъ и невредимъ; онъ внимательно осматривалъ своего гостя, бросая взглядъ также на его сына, лошадей и сумы.

— О! Что-то не долго пробылъ ты въ городѣ,—сказалъ онъ улыбаясь.—Какъ устроилъ свои дѣла, ничего?

— Э! Нечего было дѣлать тамъ, даромъ время терять не хотѣлось, я и уѣхалъ,—отвѣчалъ Хенго.—Притомъ-же, мнѣ надо было поскорѣе выѣхать изъ незнакомыхъ мѣстъ.

Отвѣчая Вишу и убѣдившись, что собаки не бросятся на него, нѣмецъ передалъ поводья Гердѣ, а самъ отправился за хозяиномъ. Когда они остались одни, Вишъ посмотрѣлъ въ глаза нѣмцу, какъ-бы желая прочитать въ нихъ то, чего Хенго не хотѣлъ сказать.

— Какія новости въ городѣ?—спросилъ онъ.

Хенго долго молчалъ, какъ-бы не зная, что отвѣтить на этотъ вопросъ.

— Немногое пришлось мнѣ видѣть, еще меньше слышать,—сказалъ онъ послѣ нѣкотораго раздумья.—Парень вашъ присылаетъ всѣмъ поклонъ... Ему тамъ, кажется, понравилось.

— Молодому вездѣ хорошо,—проговорилъ какъ-бы про себя старикъ и вздохнулъ.

Изъ отвѣта нѣмца не трудно было заключить, что ему не хотѣлось отвѣчать на вопросы хозяина. Вишъ началъ осторожно спрашивать Хенго о князѣ, о жизни въ городѣ, о томъ и другомъ, что его интересовало, но, не получая удовлетворяющихъ его любопытство отвѣтовъ, замолкъ.

Парни встрѣтили Герду у воротъ, какъ хорошаго знакомаго, отвели его и его лошадей въ сарай. Герда дрожалъ, не будучи

въ состояніи успокоиться отъ вчерашняго испуга и сегодняшняго дождя, промочившаго его до костей. Челядь Виша, замѣтивъ, что парень дрожитъ какъ въ лихорадкѣ, и не зная, что онъ понимаетъ ихъ языкъ, почти насильно повела его въ хижину, гдѣ веселый огонь пылалъ на каминѣ.

Въ этой избѣ женщины приготовляли тѣсто для хлѣба, пересѣявали муку, а служанки, напѣвая веселыя пѣсни, вращали жернова.

Почти не было работы дома или въ полѣ, за которою, по тогдашнимъ обычаямъ, славяне не пѣли-бы веселыхъ, а иногда и печальныхъ пѣсенъ. Пѣсня—это былъ лучший другъ труда, особенно женскаго. Молодыя дѣвушки, точно птички, пѣли все время пока были молоды. Пѣснѣ обучались вмѣстѣ съ роднымъ языкомъ. Славяне пѣли, погоняя скотину въ поле; пѣли пѣсни въ честь Гонилы, пася свой скотъ; женщины пѣли за прялкою, пѣли вращая жернова, пѣли когда радовались чему-нибудь или печальной горе тяготило ихъ. Были у нихъ старыя пѣсни, которымъ дочери обучались отъ своихъ матерей, чтобы потомъ выучить имъ своихъ внучатъ; пѣсни, созданныя цѣлые вѣка тому назадъ, изъ которыхъ—по пословицѣ—и одного слова нельзя было выбросить. Но, кромѣ этихъ, были и веселыя или заунывныя пѣсни, которыя выходили прямо изъ сердца поющего, а кто ихъ первый запѣлъ, тотъ самъ не зналъ, откуда онѣ явились и какъ сложились у него. Кто-нибудь подслушаетъ, прибавитъ къ нимъ два-три слова, измѣнитъ въ нихъ что-нибудь третій, и такъ рождались эти пѣсни отъ многихъ, никому неизвѣстныхъ отцовъ; какъ вдовьи лепты, шли онѣ въ народную сокровищницу, невѣдомо кѣмъ брошенныя въ нее, увеличивая народное богатство.

Когда Герда вошелъ въ избу и услышалъ эти пѣсни, которыя его родная мать любила напѣвать на чужой землѣ, когда испытывала горе и заливалась слезами, онъ невольно прослезился. Сердце у него билось такъ сильно, какъ - будто тутъ же около него стояла его родная мать. Онъ забылъ, что ему запрещено говорить, что онъ долженъ прикидываться нѣмымъ, и невольно вырвалось у него.

— Мать моя... родная!

У самыхъ дверей стояла Дива; присматривая за слугами,

прислушиваясь къ ихъ пѣснямъ и она тихо что-то напѣвала. Она одна только услышала произнесенныя Гердою слова. Мальчикъ, замѣтивъ свою ошибку, покраснѣлъ и забился въ самый темный уголь. Дива подошла къ нему и, протянувъ къ нему руку, дотронулась до его плеча. Герда дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ.

— Не бойся,—сказала она ему,—я никому не скажу.

Она отошла къ очагу, налила пива въ горшокъ, поставила его къ огню, затѣмъ поднесла Гердѣ, который съ жадностью схватилъ поданный ему напитокъ, смотря на Диву блестящими отъ слезъ глазами.

Этимъ взглядомъ онъ благодарилъ Диву. Дѣвушка взяла Герду за руку и повела въ сѣни. Герда взялъ ея руку, какъ въ дѣтствѣ бралъ когда-то въ свои ручонки руку матери, и поцѣловалъ. На рукѣ Дивы осталась его слеза.

— Мнѣ запретили говорить! — едва слышно проговорилъ Герда.—Отецъ убьетъ меня, если узнаетъ! Не говори никому, не говори! Я не нѣмой, мать моя говорить по вашему; она изъ вашихъ.

Дива гладила его рукою по головѣ.

— Ничего и никого не бойся,—сказала ему Дива,—разскажи мнѣ, что видѣлъ ты въ городѣ?

— Ахъ, ужасныя, страшныя дѣла! Отъ нихъ волосы дыбомъ становятся на головѣ, и дрожь, по костямъ пробѣгаетъ! Я видѣлъ тамъ кровь... цѣлыя лужи крови... всю ночь слышалъ стоны умирающихъ и смѣхъ дикій, точно голосъ филина!

Онъ умолкъ, боязливо оглядываясь.

— Говори,—сказала ему Дива,—всю правду говори, какъ скажешь-бы ея родной матери, если-бы она велѣла тебѣ разсказать обо всемъ, что ты видѣлъ тамъ.

Нѣжный голосъ дѣвушки растрогалъ мальчика.

— Намъ нуженъ твой разсказъ,—прибавила она, лаская Герду, и наклонилась къ нему.

Гердо со слезами на глазахъ началъ ей разсказывать обо всемъ, что происходило вчера у княжескаго Столба, какой кровавый пиръ устроилъ князь, какъ на дворѣ убивали другъ-друга опьянѣлые кметы, какъ потомъ ихъ мертвыя тѣла бросали въ озеро, какъ князь хохоталъ при этомъ, а вороны каркали и со-

баки были съ радости или боязни. Онъ говорилъ ей потомъ, какъ голодные собаки князя пили кровь изъ лужъ, которыми былъ переполненъ весь дворъ, какъ на слѣдующій день утромъ плакали и горевали женщины, какъ онѣ собирали трупы и проклинали князя.

Герда рассказывалъ, а Дива блѣднѣла; ея нѣжное дѣвичье лицо приняло мужественное выраженіе, глаза, казалось, горѣли тысячами огней изъ-подъ черныхъ рѣсницъ, а ея бѣлыя руки сжимались, какъ будто-бы она въ нихъ держала мечъ. Все выше и выше гордая красавица поднимала свое чело, на которомъ гнѣвъ и печаль мѣнялись съ каждою минутою, покрывая его красною и мертвенно-блѣдною краскою.

Герда приходилъ уже къ концу своего разсказа, когда Вишъ и Хенго вошли въ сѣни. Словоохотливый мальчуганъ, опасаясь быть замѣченнымъ отцомъ, едва успѣлъ проскользнуть изъ сѣней около стѣны и заборовъ въ сарай, гдѣ стояли лошади, припалъ къ землѣ и накрылся кускомъ сукна, которое ему попалось подъ руки. Дива, какъ вкопанная, стояла въ сѣняхъ, не будучи въ состояніи тронуться съ мѣста. Когда Вишъ, проходя около нея, посмотрѣлъ ей въ лицо, онъ прочелъ на немъ, что въ ея душу попала искра, отъ которой закипѣли въ ней гнѣвъ и месть. Дива глазами объяснила отцу, чтобы онъ теперь ее ни о чемъ не спрашивалъ. Вишъ понялъ свою любимицу и прошелъ мимо нея съ Хенго, дѣлая видъ, что не обращаетъ никакого вниманія на свою красавицу-дочь.

Едва Хенго успѣлъ войти въ избу, какъ все пѣсни затихли: точно по волшебному мановенію умолкли. Смѣхъ только пробѣжалъ отъ одного конца избы къ другому, какъ вѣтеръ по верхушкамъ деревьевъ. Теперь слышенъ былъ трескъ горящихъ дровъ на очагѣ, жернова шипѣли, у огня кипѣла вода, да остатки дождя мѣрно катились съ крыши и падали на камни передъ окнами.

Хенго приняла, какъ подобало принимать гостя, но нѣмецъ сѣлъ за столомъ, угрюмый и недовольный собою; онъ молчалъ и, казалось, ротъ его не намѣренъ былъ открываться для вопросовъ. Напрасно Вишъ разспрашивалъ, напрасно старуха Яга, которая принесла большую миску съ кушаньемъ, старалась узнать, какъ живетъ ея Самбору—Хенго отдѣлывался незнаемъ.

Небо начало проясняться. Черная туча, принесшая съ собою бурю, все еще стояла надъ лѣсомъ; по темной ея одеждѣ передвигались молніи, точно змѣи, но надъ хижиной Виша лазурное небо улыбалось, а солнце посылало ласкающіе лучи свои. Пернатые пѣвуньи стряхивали остатки дождя съ своихъ крылышекъ, сидя на крышѣ хаты, или чирикая и летая вокругъ дома. Ласточки собирали тину для своихъ жилищъ, а воробьи вели нескончаемые споры изъ-за найденнаго зернышка. Аистъ собирался въ путь-дорогу.

Нѣмецъ едва дотронулся до кушанья. Онъ, видимо, былъ не въ духѣ. Вишъ, отдавъ оставленные у него суммы Хенго, простился съ нимъ молча, и вскорѣ нѣмецъ исчезъ въ лѣсу. Вишъ, стоя у воротъ, смотрѣлъ вслѣдъ за отъѣзжающими. Въ это время къ нему подошла Дива. Вишъ ласково улыбнулся своей любимицѣ. Каждый разъ какъ старикъ взглядывалъ на свою красавицу-дочь, всегда на лицѣ его можно было замѣтить улыбку. Она обыкновенно улыбкою отвѣчала на улыбку старика, но теперь она не могла смѣяться: печаль и горе подавляли Диву. Красавица взяла отца за руку и повела къ рѣкѣ.

— Ничего тебѣ нѣмецъ не говорилъ?—спросила она.

— Молчалъ, точно могила,—отвѣчалъ старикъ.

— А мнѣ удалось многое узнать отъ нѣмого мальчика, — начала Дива. — Сынъ Хенго разсказалъ мнѣ ужасы! Тебѣ необходимо знать все—отъ Столба дуютъ все болѣе и болѣе грозные вѣтры. Послушай! Мальчикъ не лгалъ, онъ дрожалъ весь отъ испуга, разсказывая мнѣ вчерашнюю исторію, и плакалъ.

Дива вполголоса начала объяснять старику все, что узнала отъ Герды. Вишъ слушалъ молча: онъ, точно камень, ни однимъ движеніемъ, ни однимъ словомъ не выразилъ гнѣва или ужаса. Дива давно уже окончила свой разсказъ, а Вишъ все слушалъ. Долго еще думалъ старикъ свою думу, наконецъ поднялъ голову и глубоко вздохнулъ.

— Пора!—произнесъ онъ,—пусть совершится, чему не миновать. Нужно созвать вѣче; давно ужъ его не было, безъ него люди потеряли голову. Пора намъ посовѣтоваться, разослать призывы, собрать всю братію. Пусть берутъ мою старую голову, если она

имъ на что-нибудь пригодится; что прикажутъ, все сдѣлаю, а ты, красавица моя, молчи!

Дива подошла къ отцу и поцѣловала его въ руку.

— Коляда не оставитъ тебя,—сказала она.

V.

Немного времени спустя Вишъ вышелъ изъ своей избы, но онъ до того измѣнился, что трудно было узнать въ немъ того-же прибитаго горемъ старца, который часъ тому назадъ съ опущенною внизъ головою слушалъ рассказъ Дивы. Дома онъ обыкновенно носилъ полотняную одежду и ходилъ безъ сапогъ; теперь-же старикъ одѣтъ былъ въ дорожное платье— новую коричневаго цвѣта сермягу, обшитую синими лентами; на ногахъ у него были одѣты кожаные сапоги, перевязанные красными шнурами, на головѣ мѣховая шапка съ бѣлымъ перомъ. У кушака висѣли блестявшій отъ солнца мечъ и праща, а черезъ плечо Вишъ забросилъ лукъ и пучокъ стрѣлъ. Онъ выглядѣлъ теперь истымъ воиномъ; поступь твердая, гордо подымающаяся голова и повелительный, звучный голосъ — все это придавало старику воинственный видъ. Онъ на двадцать лѣтъ казался теперь моложе.

У воротъ два парня держали трехъ осѣдланныхъ скакуновъ, покрытыхъ попонами; парни были вооружены и чисто одѣты. Они дожидали здѣсь своего хозяина, готовые отправиться въ путь по его приказанію. Всѣ—родня и слуги—проводжали Виша и цѣловали его руки. Старуха Яга, отирая слезы фартукомъ, шла за мужемъ; она предугадывала, бѣдняга, что быть горю непременно. Старый Вишъ, который столько лѣтъ никуда не ѣздилъ со двора, развѣ въ лѣсъ или на пчельникъ—вдругъ, никому не говоря ни слова куда и зачѣмъ, въ путь собрался, одѣлся, приказалъ приготовить лошадей и вотъ прощается со всѣми.

Старуха и Дива слѣдовали за Вишемъ до самыхъ лошадей. Пѣгій конь стараго воина нетерпѣливо билъ копытомъ объ землю, ожидая своего господина. Умное животное, увидѣвъ Виша, обратило свою голову въ его сторону и весело заржало. Одинъ изъ парней подскочилъ къ Вишу, желая помочь ему сѣсть на лошадь,